

Трон Дракона

Олаф Бьорн Локнит
Талисман всадника

«Лениздат»

2001

Локнит О.

Талисман всадника / О. Локнит — «Лениздат», 2001 — (Трон Дракона)

В новом томе `Саги о Конане` читателя ждет увлекательное продолжение тетралогии Олафа `Трон Дракона`, повествующей о событиях, потрясших всю Хайборию во времена правления короля Конана.

© Локнит О., 2001

© Лениздат, 2001

Содержание

СОПРОВОДИТЕЛЬНОЕ СЛОВО К РУКОПИСЯМ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ЗАМЕТКИ МЕЖДУ СТРОК	18
ГЛАВА ВТОРАЯ	23
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Олаф Бьорн Локнит

Талисман всадника

СОПРОВОДИТЕЛЬНОЕ СЛОВО К РУКОПИСЯМ

Предлагая благосклонному исследователю событий дней давно минувших вторую часть книги воспоминаний непосредственных участников и очевидцев мы, составители этих мемуарий – Хальк, барон Юсдаль из Гандерланда, и Хэлкарс, барон Целлиг из Бельверуса, хотели бы напомнить почтенному читателю, что, с сожалением, мы не включаем в общий трактат все имеющихся у нас на руках рукописи и дневники, ибо в противном случае наш труд разросся бы до пределов необозримых.

Во второй части книги, условно обозначенной нами общим титулом «О Троне Дракона и пришествии Пламени Вечности», мы решили использовать лишь воспоминания наиглавнейших действующих лиц истории, связанной с таинственным государственным переворотом в Немедийском королевстве, а именно – юной баронессы Долианы Эрде, графа Монбронна Танасульского, волшебника Тотланта из Пограничья и непосредственно одного из составителей сего труда – Халька Юсдаля.

Однако мы сочли необходимым обратиться за разъяснениями некоторые не совсем ясных моментов этой длинной повести к брату госпожи Ринги Эрде, Рейениру Морато да Кадена из Рабиров – сам он предпочел не записывать свои воспоминания, а лишь поведал авторам об эпизодах, которым был свидетелем, и некоторых личностях, сыгравших изрядную роль в битве за немедийскую корону. Поскольку месьор Рейенир – суть пристрастный свидетель, он сам заявил, чтобы к его доле повествования относились с некоторой осторожностью, ибо Рейенир, как натура увлекающаяся, склонен к преувеличениям, недомолвкам и даже приукрашиванию действительности.

Можно бесконечно долго рассуждать о причинах и истоках той запутанной цепи событий, битв, несдержанных обещаний и исполненных клятв, которые в летописях именуются «Часом Дракона», но большинство ученых мужей Материка сходятся в одном: старение мира, близость нашего универсума к неминуемому закату и влечет столь тяжкие, влияющие на судьбы человеческого рода бедствия. Почти две тысячи лет человеческой цивилизации привели людей к пику развития разума, однако мы с величайшим сожалением можем отметить, что цивилизация наша постарела, застыла на одном из витков спирали и, возможно, идет к неминуемой гибели, когда нас сменят другие, более молодые и активные народы, способные продвинуться гораздо дальше хайборийцев во всех сферах бытия, начиная от вечных ценностей культуры до магии.

Сим грустным пассажем мы и завершим вступительное слово ко второй части книги мемуаров и надеемся на то, что всякий читатель благосклонно примет изложенные нами сведения и запомнит: нет беды, которую нельзя обороть, но время необоримо.

Аквилония, Тарантия. Подписано на Праздник Середины лета 1296 года собственной рукой Халька Юсдаля из Гандерланда, а с ним и удостоверяется росчерком Хэлкарса, барона Целлига из Бельверуса.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Записки Долианы, баронессы Эрде – I

«Ночь без конца»

**Немедия, Бельверус.
Ночь с 16 на 17 день
Первой весенней луны.**

Унылое, должно быть, зрелище – трое молодых людей и юная девица, мающиеся дурными предчувствиями и лишённые возможности что-либо изменить. Наверное, точно также ощущает себя экипаж корабля, гибнущего на просторах Закатного океана. Все понимают, что судно вот-вот переполнится водой и канет ко дну, что добраться до берега невозможно и все кончено, однако в душе всегда тлеет надежда на помощь Великого Случая.

Вот и мы, сиречь мой брат Вестри Эрде, двое преданных конфидентов моего отца – Кеаран Майль и Дорнод Авилек – и я, Долиана Эрде, сидим в медленно погружающейся в темноту гостиной особняка рода Эрде. Ждем: вдруг что-то произойдет? Прислушиваемся: что происходит за крепкими каменными стенами? Искося переглядываемся: не решится ли кто заговорить и нарушить тишину?

Впрочем, наши разговоры ни к чему не приведут. Время праздных обсуждений миновало, приходит пора действий. Только вот никто из нас не знает, что делать и куда кидаться. Явных врагов вроде бы нигде не замечается, а ожидание опасности выматывает куда сильнее самой опасности.

Полагаю, Вестри и мне ничего не угрожает. В крайнем случае – высочайшая немилость и высылка из столицы. Большая часть королевской опалы будет предназначаться нашему отцу, Моррадину Эрде, главе Пятого департамента Немедии, сиречь второму или третьему лицу после правителя страны. Наш отец и сейчас уже пребывает в немилости – его подчиненные допустили гибель верховного канцлера Тимона Айнбекка. Грозный Моррадин был подвергнут домашнему аресту, в замке Вертрауэн, где находятся архивы Пятого департамента, уже второй день распоряжаются люди из Королевского Кабинета, заклятого врага месьора Эрде, у всех входов в наш дом торчат королевские гвардейцы, посещения запрещены... Однако не далее, как вчера вечером, отец беспрепятственно покинул оцепленный дом и отправился не куда-нибудь, но в самое сердце шторма – в замок короны.

Вернулся он слегка обнадеженным, из чего я и Вестри сделали вывод: дела семейства Эрде не так плохи, как кажется. Король Нимед, конечно, гневается на отца за допущенный промах, но понимает, что Вертрауэн и его хозяина нельзя запросто сбрасывать со счетов. Эрде слишком многое известно, и добрый десяток лет именно он незаметно определял направление, в котором предстояло двигаться стране. Двое Эрде, светлейший герцог Моррадин и его жена Ринга – две неприметные тени за Тронем Дракона, все знающие, все слышащие и предугадывающие возможные действия противников на три шага вперед.

Но сейчас начало твориться нечто ужасное. Наша мать по неведомым причинам потеряла рассудок. Отец вызвал недовольствие сильных мира сего. Внезапно умер король Нимед, и теперь над его остывающим трупом идет схватка за корону. Наследник, принц Нимед, трое его братьев, из коих наиболее предприимчив младший, Ольтен, их союзники и противники, Королевский Кабинет во главе с загадочным месьором Хостином Клеосом, да еще племянник покойного короля, Тараск Эльсдорф Кофийский с компанией верных прихлебателей. Не забудем также бурлящую с сегодняшнего утра немедийскую столицу. В исторических летописях описано немало случаев, когда толпа возносила на трон своего избранника, нисколько не считаясь

с желаниями обитателей коронного замка и не интересуясь происхождением своего кумира. Иногда из таких получались хорошие правители, но чаще их заботило только одно – как бы прожить лишний день и чем бы наполнить сундуки.

Звякнуло о каменный столик доньшко серебряного графина. Майль, наливавший себе вина, вздрогнул и виновато посмотрел на нас.

– Мне тоже, – полушепотом сказал Вестри и подставил бокал. Я присоединилась к братцу, хотя пить совершенно не хотелось. Сладкое шемское вино перекатывалось на языке как перебродивший уксус.

«Это будет длинная ночь, – пришла неожиданная и болезненно-тревожная мысль. – Такая длинная, что кому-то из нас не суждено увидеть рассвета».

Невдалеке скрипнула открываемая дверь. Привычный звук означал, что Мораддин Эрде вышел за какой-то надобностью в коридор. Кеаран и Дорнод совершенно одинаковым жестом приподнялись с кресел, дабы по первому знаку сорваться с места и, подобно опытным гончим псам, устремиться туда, куда прикажет их могущественный начальник.

– Дана, – отец заглянул в приемную комнату. Увидел наше молчаливое собрание, настоженные лица своих наилучших помощников, но ничего не сказал, обратившись ко мне: – Дана, нам нужно поговорить.

Я послушно поднялась, чтобы отправиться вслед за отцом. Майль поймал меня за рукав платья, яростно прошипев:

– Сделай милость, узнай, ради чего мы тут варимся в собственном соку! Надо что-то предпринимать! Горожане вот-вот начнут крушить все подряд! Что творится во дворце – я стараюсь не задумываться... Мы должны быть там!

– Попытаюсь, – обещала я и почти на цыпочках пробежала краткие десять шагов, разделявшие приемную и отцовский кабинет.

Потрескивал разожженный камин, бросая расплывчатые багряные сполохи на пол и стены, выхватывая из полутьмы позолоченные корешки толстых книг и очертания разбросанные пергаментов. На коврик перед очагом беспокойно дремал старый пес-волкодав, наш общий любимец Бриан. Качались над столом острые язычки десятка свечей, отражаясь в темно-вишневой полированной поверхности. Отец стоял у окна, смотря на погружающийся в вечерние сумерки мокрый сад и суетливо мелькающие за оградой уличные огни.

– Боюсь, тебе и твоему брату придется уйти. Немедленно, – тяжело проговорил он, не оборачиваясь. – Собирайся. Возьми охотничий костюм, какое-нибудь оружие и деньги. Помнишь, чему я тебя учил?

– Постоялый двор «Путеводная звезда», хозяина зовут Яхмак, слова – «Лес горит», – не задумываясь, отчеканила я накрепко заученные наставления и растерянно добавила: – Но как же ты и мама? И Майль, и Кеаран, и Хейд, и все остальные?

– Мы как-нибудь не пропадем. Научились выживать.

– Если вы остаетесь, то я тоже никуда не пойду, – сама не знаю, откуда у меня вдруг хватило решимости возразить отцу. – Я не маленький ребенок, чтобы при малейшей опасности бежать и прятаться под стол.

– Дана, дело зашло слишком далеко, – голос отца стал умоляющим. – Я не могу рисковать. Уходи, пока не поздно. Уходи. Прошу тебя.

– Но... – я окончательно смешалась. – Но мама...

– Я позабочусь о ней. О ней, о Вестри и о тех, кто мне верно служил. Вестри уйдет другой дорогой, потом вы встретитесь. Ты сделаешь, как я сказал? Я приказываю, наконец...

Краем глаза я покосилась в сторону окна. Вдоль ограды сада выстроилась извилистая гирлянда из трепещущих на ветру факельных огоньков. Сквозь мелкие толстые стекла доносились громкие выкрики.

– Там что-то происходит, – я попыталась отвлечь отца и кивнула на окно. Мораддин подошел и встал рядом со мной, но, казалось, на самом деле его разум не здесь. Он уговаривал меня покинуть дом, однако при этом вряд ли осознавал, с кем говорит и зачем требуется мой уход. Это непонятное поведение отца испугало меня куда больше загадок безумной матери и жутковатых рассказов аквилонского гостя Маэля Монбрана о горящем над столицей незримом алом пламени. – Папа? Папа, очнись! Около нашего дома собрались какие-то люди!

– Я не гожусь в вершители судеб, – очень спокойно и почти равнодушно произнес Мораддин. – Зря я это сделал – помог Нимеду до срока покинуть мир. Твоя матушка была бы против. Она всегда повторяла, что негоже в бурю хвататься за руль корабля и пытаться его развернуть. Пусть несет ветром. Буря равно или поздно успокоится. А я – я решил слегка подправить ход истории. Ничего из этого не вышло.

– Папа? – я окончательно перестала понимать, о чем он.

– Это красное сияние... – пробормотал отец. – Ты его видишь?

– Нет! Я не вижу никакого сияния! Зато я вижу толпу под окнами! – завизжала я и попятилась к дверям. – Папа, надо что-то делать!

– Поздно, – он повернулся и точным, рассчитанным движением перевернул стоявший на столе бронзовый шандал со свечами. Громадный канделябр опрокинулся прямо на россыпь пергаментов, немедленно затрещавших и окутавшихся желтоватым огнем.

Кажется, я завопила в голос и вылетела в коридор, взывая о помощи. За мной тяжелыми прыжками неся перепуганный Бриан. Отец не тронулся с места.

Он остался в своем кабинете, наполненном фолиантами, картами, письмами и рукописями. Остался среди разгорающегося пламени.

* * *

Мой отчаянный вопль услышали. В коридоре я чуть не сбила с ног Майля, схватившего меня в охапку и потащившего прочь от распахнутой двери кабинета. Прямоугольный проем стремительно окрашивался в призрачно-алые и синевато-серые тона, и какая-то часть моего соображения отметила, как это красиво – струящийся поверху дым и разгорающийся под ним костер.

Вестри и Авилек сделали попытку ворваться в кабинет и вылетели обратно, кашляя, чихая и вытирая слезы. За ними высунулся длинный сине-багровый огненный язык и почти игриво коснулся моего брата. Вестри с воплем отскочил, невидяще глянул на нас и, выждав подходящий момент, снова ринулся навстречу разгорающемуся пламени. Его не успели остановить.

Я не хотела кричать, но будто со стороны увидела молоденькую девчонку, которая сгибается пополам, заходясь в неразборчивом отчаянном вое. Кажется, я непрерывно выкрикивала имена отца и Вестри, зовя их обратно, умоляя вернуться, и замолчала только от пары хороших оплеух – сначала слева, потом справа.

Ударил меня Дорнод, и я до сих пор благодарна, что он это сделал. Иначе я бы рисковала пойти по стопам моей несчастной матушки и потерять рассудок прямо здесь, в коридоре, среди золотисто-черных искр, рассыпающихся во все стороны и уже воспламенивших старинные шпалеры, украшавшие стены.

Вестри, окутанный дымом, появился на пороге и едва не упал, подхваченный Кеараном. Его одежда тлела, испуская резкий запах паленой кожи и ткани. Брат наполовину потерял сознание, но все же успел неразборчиво пробормотать:

– Я искал... Дым, все в огне... Не найти...

В кабинете с грохотом обрушилась потолочная балка, зацепившая и опрокинувшая один из книжных шкафов. Пламенные лохмотья тянулись к потолку, слизывая и обугливая искусную резьбу по дереву. Под ногами стелился сизоватый едкий дым, и я вдруг поняла, что мы стоим по колено в быстро крутящихся, переливающихся с место на место сероватых потоках.

– Уходим, – непрерываемо произнес Дорнод Авилек. – Уходим немедленно.

– Там отец! – Вестри, казалось, был готов броситься на Дорнода с кулаками. – Мы имеем права оставлять его там! Нам нужна вода, еще не поздно залить огонь, может, мы сумеем вытащить его!..

– Бесполезно, – Дорнод будто вынес приговор, окончательный и не подлежащий обсуждению. – В таком огне не выживет никто. Скорбеть и оплакивать потери будем позже. Сейчас нам предстоит покинуть дом. Пожар скоро перекинется на соседние покои.

– Все сгорит? – я обнаружила, что вполне могу говорить, только голос был какой-то посторонний, сухой и надтреснутый.

– Скорее всего, – не стал лукавить Дорнод и потащил нас за собой, к лестнице, распоряжаясь на ходу: – Какое-то время у нас есть. Нужно потратить его с пользой. Майль, мы заберем кое-какие бумаги. Вестри, позаботься о сестре. Вам обоим стоит переодеться во что-нибудь менее заметное. Разыщите оружие, с которым можете управляться. Захватите все имеющиеся под рукой деньги и какие-нибудь ценные побрякушки. Я предупрежу Хейд и слуг, впрочем, они наверняка сами обо всем догадались. Действуем быстро, но без лишней суеты. Через четверть колокола встречаемся внизу, у главного входа. Дана! – он наклонился надо мной и резко встряхнул за плечи. – Дана, ты все поняла?

Должно быть, у меня был совершенно отсутствующий вид, ибо в моей голове царил вопиющая пустота, как внутри бронзового храмового колокола, и среди выгнутых звонких стен бесцельно метались слова Дорнода. Однако я смогла уверенно кивнуть и напомнить:

– Мать. Ринга Эрде. Подвал.

– О боги, она осталась в подземельях! – с яростью хлопнул себя по лбу Майль. – Я знаю, где хранятся ключи! Сбегаю туда, может, мы с Клейном сумеем как-то ее увести. В крайнем случае, отсилятся...

Оглушительно громко вылетело расплавившееся от жара стекло и послышался глухой треск – должно быть, начали рассыпаться огромные книжные шкафы, громоздившиеся в отцовском кабинете почти до самого потолка. Наша библиотека! Отец! Что нам делать? Книжки, книжки горят! Почему лает Бриан? Угмоните кто-нибудь эту собаку, я не могу слушать, как он заходится лаем!

– Бегом! – толкнул меня в спину Авилек. – Дана, пошевеливайся, ради всех богов!

– Мы быстро, – проговорил Вестри, схватил меня за руку и поволок за собой. Я бежала, спотыкаясь и глотая становящийся невыносимо горячим воздух. Сверху долетал постепенно растущий свистящий гул.

Пока мы добирались до наших комнат, Вестри едва не превратил мою кисть в мешанину из переломанных косточек. Я попыталась отобрать руку – сначала осторожно, потом решительнее. Брат не отпустил.

– Вестри! – взмолилась я. – Вестри, мне больно!

Он медленно разжал пальцы и растерянно уставился на меня, похоже, не узнавая. Я отчетливо видела промелькнувший в его глазах вопрос: «Кто ты, девочка?», но спустя миг он вспомнил. Вспомнил, качнулся к стене и сполз вниз по ней, сжавшись в нелепый, раскачивающийся из стороны в сторону комок, исходящий беззвучным воем.

– Вестри, не надо, – я присела рядом, уверенная, что сейчас расплачусь в три ручья. Слез почему-то не было. – Дом скоро начнет рушиться. Вестри, послушай, это же я, Дана! Вестри, ты должен взять себя в руки!

Он еле заметно кивнул. Попытался встать, не смог, завалившись набок. Я поддержала его, заметив, что гладкие черные волосы на его затылке слегка обуглились и завились от жара.

– Ты помнишь, что нужно делать? – я настойчиво теребила брата за плечи. – Справишься или мне пойти с тобой?

– Справлюсь, – глуховато отозвался Вестри. – Беги, собирайся.

Какое тут «собирайся»... Я металась по комнатам, лихорадочно соображая и пытаюсь заслонить хлопотами встававшую передо мной падающую черную балку в облаке огненных искр, и еле различимый силуэт приземистого, сгорбившегося человека позади нее. Хрупкие статуэтки их кхитайского фарфора, украшавшие камин в моей гостиной, превратились в горку желтоватых осколков, ибо в суматохе я нечаянно смахнула их на пол. Хлопали распахиваемые дверцы шкафов, жалобно звякали рассыпающиеся украшения, безжалостно вытряхиваемые из шкатулок. Зеленого охотничьего костюма я не нашла, схватила и натянула вместо него потрепанный черный, предназначенный для уроков верховой езды. В кожаный мешочек полетели самые дорогие и маленькие колечки, броши и кулоны. Золотое кольцо-печатку матери с ага-товой геммой в виде летучей мыши над горами я оставила на пальце, решив, что так меньше шансов ее потерять. Теперь оружие... Какое у меня оружие? Маленький тонкий стилет в замшевых ножнах, удобно прячущийся за отворотом сапога. Этого недостаточно. Где раздобыть другое? У Вестри?

Мешочек с драгоценностями я затолкала за пазуху и привязала к специально подшитым к внутренней стороне рубашки петлям. Остолбенело замерла посреди некогда уютной, а теперь разоренной и выглядевшей крайне неухожено комнаты, соображая, что делать с волосами. Обрезать? Жалко... В хвост их, в надежный узел, и покрепче обмотать сверху плетеным шнурком. Как вышло, что мне нужно бежать из собственного дома?

Я вылетела в коридор, стукнула в двери Вестри, изнутри донеслось: «Почти готов!». Сунулась в распахнутые двери Галереи Редкостей – ее хранитель, старик Фиагдон, куда-то пропал. Спрятался или ушел вместе с остальными слугами? Некоторые подставки и стеклянные ящики опустели – неужто Фиагдон в предчувствии грядущих опасностей успел припрятать самые ценные приобретения отца?

В глаза бросилось нечто блестящее. Шагах в трех от меня покрытом лиловым бархатом столике лежал наполовину вытасенный из ножен длинный кинжал-дага: рукоять, обтянутая черной кожей, простая крестовина без украшений и сероватый паутинный узор на лезвии, доказывавший, что на оружие пошла очень хорошая сталь. Вот он мне пригодится! Как раз по моей невеликой ладони!

Схватив кинжал, я прицепила его ножны к ремешкам на поясе и побежала на встревоженный зов Вестри.

* * *

Второй этаж особняка горел. Полыхала длинная анфилада покоев отца и матери, огромное книжное собрание, со вкусом обставленные гостиные и комнаты для приемов. Горели собранные за добрых три десятка лет картины и скульптуры, резные безделушки, наряды и шелковые обои. Бьющиеся стекла звенели почти непрерывно, к этому шелестящему звуку добавлялось протяжное оханье рушащихся перекрытий и ухающий вой захватывающего все новые и новые владения огня.

Мы собрались у высоких парадных дверей, с опаской посматривая наверх. Конечно, первый и второй этажи разделены толстым слоем камня, кирпича и дерева, но огромная медная люстра на полсотни свечей, освещавшая нижний зал и главную лестницу дома, уже начинала

покачиваться и угрожающе поскрипывать. Шесть человек: молчаливо-сосредоточенный Дорнод, повзрослевший за несколько мгновений Вестри, выглядевший до удивления спокойным Ибре – помощник нашей домоправительницы Хейд, тихо поскуливавшая от ужаса Марьют, одна из младших служанок, замешкавшаяся и не успевшая вовремя исчезнуть, я и Бриан, удерживаемый мною за ошейник. Ожидали только Кеарана, умчавшегося к подвалам за моей матерью. Возможно, у Майля и Клейна, охранявшего госпожу Рингу от себя самой, получится убедить нашу с Вестри безумную матушку в грозящей беде и пойти с ними.

Вестри стоял в дверном проеме, озирая двор и нетерпеливо стуча носком сапога о каменный порог. Я подошла и выглянула через его плечо. Снаружи быстро темнело: должно быть, шел десятый или девятый послеполуденный колокол. Вдалеке, в конце темной аллеи, там, где возвышались тяжеловесные каменные колонны и ажурные чугунные ворота, мелькало непонятное столпотворение огоньков. Наш особняк – место довольно уединенное, расположенное в самом конце проезда Черного Леопарда, и я предположила, что пожар в доме Эрде привлек множество любопытствующих соседей из окрестных кварталов. Однако на помощь к нам никто не спешил. Даже охранявшие ворота гвардейцы не пришли узнать, что случилось. Или, может, они давно покинули свои посты? Допустим, прибыл кто-то из дворца и отозвал нашу стражу?

Дом почти опустел. Хейд, много лет ведшая наше хозяйство, наверняка не удивилась такому внезапному и драматическому повороту событий. Слуги пропали, будто их тут никогда не было. Представления не имею, как они ушли – через запасные выходы, предназначенные для кухонных нужд и незаметно появляющихся лазутчиков отца, или просто миновали сад, рассыпавшись по близлежащим улицам...

– Идут! – внезапно выкрикнул Вестри. Бриан приглушенно твякнул и заизвивался, пытаясь вырваться у меня из рук.

Они бежали от дальнего флигеля через огромный, пустынный двор, вымощенный плитами коричневого и охристого в черных прожилках гранита. Невысокий, плотный Кеаран Майль, горообразный верзила Клейн, бывший гладиатор, каторжник и гребец на галерах, и посередине тонкая, гибкая женщина в облаке растрепанных темных волос, отчего-то напоминающих встревоженное змеиное гнездо – Ринга Эрде.

Им оставалось преодолеть не больше десяти шагов, когда Марьют тонко, пронзительно заверещала. Однажды я слышала такой крик – на охоте, когда натасканный сокол камнем рухнул на метавшегося по осеннему полю зайца и с размаху вцепился ему в шкуру на спине.

«Потолок осыпается!» – это первое, что пришло мне в голову. Я оглянулась и от неожиданности отпустила Бриана. Тот ужом просквозил между дверными створками, бросившись навстречу матери и ее спутникам. Я осталась стоять, растерянно приоткрыв рот.

По широкой мраморной лестнице, на чьей верхней площадке уже метались зловещие красные отсветы, спускался человек. Незнакомый – я не припоминала такого ни среди слуг, ни среди навещавших наш дом людей Вертрауэна, ни среди бывавших у нас гостей. Он шел, не торопясь, словно бы напрочь не замечая охватившего верхний этаж пожара. Обычный, ничем не примечательный человек, из торгового или мастерового сословия. Таких полно на улицах любого города, и я никогда не обращала внимания на подобных этому типу.

– Ты откуда взялся? – раздраженно бросил ему Дорнод, приняв за кого-то из домочадцев. – Быстро вон из дома! Вот-вот балки рухнут, а он разгуливает! Не знаешь, Хейд ушла?..

– Ушла, но недалеко, – чуть растягивая слова, проговорил человек, и неуловимо быстрым для моего глаза движением метнул в Авилека короткий, тонкий кинжал. Дорнод каким-то чудом успел отклониться влево, нож глубоко воткнулся в деревянную панель на стене.

– Та-ак, – сузившиеся глаза Авилека не предвещали для незнакомца ничего хорошего. – Значит, вот как? Гости из Королевского Кабинета? Грязно работаете, милейший.

– Ничего, потом приберемся, – с этими словами человек одним махом перескочил три оставшихся ступеньки, нанес попытавшемся загородить дорогу Ибре короткий удар под дых,

от которого грузный помощник домоправительницы скрючился в три погибели, и накинулся на Дорнода. Неприятно звякнули два встретившихся клинка – более тонкий и легкий эсток Авилека и плавно изогнутая на конце сабля незнакомца. Я вдруг подумала, что совсем недавно видела подобный клинок, и вдруг краем глаза заметила еще одного подозрительного типа. Этот выскочил из коридора, ведущего к Галерее Редкостей, быстро огляделся по сторонам, заметил своего сообщника и, не задерживаясь, устремился к дверям. Сиречь ко мне и еле слышно воющей от ужаса Марьют.

– Вестри! – я наконец справилась с внезапным оцепенением. – Вестри, опасность! Сзади!

Братец, хвала всем богам, услышал. Лихо развернулся, отразил нацеленный в плечо удар кривого туранского ятагана и умудрился ловко пнуть супостата в колено, заставив того отступить на шаг. Отец верно говорит: лучшая школа фехтования – в немедийской военной Академии.

Говорит... Или говорил? Некогда!

Я схватила Марьют за руку и поволокла к дверям. Представления не имею, кто эти странные личности и откуда они взялись, но намерения их ясны, как летний день. Похоже, нас собираются убить.

Проскочив мимо Вестри, я едва не столкнулась с матерью. Та пребывала в более-менее ясном состоянии рассудка, потому что сгребла меня за плечо и вытолкала за двери, к ожидавшим снаружи Майлю и Клейну. Короткий вопль засвидетельствовал кончину противника Дорнода, а тому, который напал на Вестри, не повезло еще больше – он оказался стоящим спиной к моей матушке. Проще наступить на ядовитую змею и надеяться, что выживешь. Она без малейшего колебания согнула ладони в подобие крючковатых лап хищной птицы, выпустила когти и с двух сторон хватанула бедолагу по шее. В душе я ожидала, что у того оторвется голова – такой удар вполне сравним с ударом тяжелой лапы барса или пантеры.

– Куда бежим? – Вестри равнодушно перепрыгнул через тело поверженного врага, направляя вопрос к Дорноду – по молчаливому уговору право командовать досталось ему.

– Уйдем через сад, – решил Авилек и вопросительно покосился на мою мать: – Госпожа Эрде?

– Со мной все замечательно, – легкомысленно заверила она и подняла руку, чтобы быстро слизнуть потек крови с зеленовато поблескивающего когтя. Дорнод сокрушенно покачал головой, здраво решив пока не сообщать герцогине о смерти ее мужа. Над головами у нас вспыхнули, прорядив темноту, малиново-голубые росчерки – огонь перекинулся на фасад дома. Еще немного – и загорится первый этаж.

Вертевшийся под ногами Бриан вдруг басисто загавкал, повернувшись мордой в сторону темного проезда аллеи. Я потянулась схватить его за загривок и заставить угомониться, но внезапно сообразила, чем вызван его лай. Мельтешившие подле ворот факельные пятна вдруг собрались в плотную кучку и рванулись вперед. Лязгающий звон, вне всякого сомнения, означал, что засовы не выдержали напора и сломались, пропустив толпу в парк вокруг нашего особняка. Прислушивавшись, я с легким удивлением различила отчетливые выкрики: «Бей Коротышку! Ловите его щенков поганых!»

– В дом, – коротко приказал Дорнод, бросив единственный взгляд в сторону быстро приближающихся по аллее огоньков, дергавшихся то вверх, то вниз.

– Он горит! – заверещала Марьют, истерически дергая меня за руку. – Боюсь! Мы сгорим! Барышня, я боюсь!

– Пройдем через черный ход под главной лестницей, – это предложил Кеаран, оторвавшийся от меня плачущую служанку. – Да не реви ты, корова деревенская! Выкарабкаемся!

Мы тесной кучкой протиснулись через двери обратно, и вовремя – снаружи в дверь ударилось нечто тяжелое, вроде метко запущенного булыжника. Кто-то надрывно проорал: «Они спрятались! В огонь их всех!»

– Наша семья больше не пользуется любовью племса, – равнодушно заметил Вестри, помогая Майлю вдвинуть в скобы тяжелый дубовый засов, обшитый для крепости полосами железа. – Дана, ты цела?

– Руки-ноги на месте, – по возможности бодро откликнулась я и глянула на потолок. Там уже расплывались темные пятна, окаймленные золотистыми язычками пламени. Крюк, на котором висела люстра, наполовину вывалился из своего гнезда, и теперь огромный светильник, перекосившийся на один бок, болтался только на честном слове.

– Уйдем, уйдем, – бормотал себе под нос Майль, волоча за собой окончательно потерявшую от страха рассудок Марьют. Мать держалась где-то справа от меня. Могу поклясться, что происходящее доставляло ей огромное удовольствие.

Створки дрогнули, заставив нас обернуться. Похоже, в них с размаху ударили бревном. Прилетевший со двора камень вдребезги расколотил цветной круглый витраж над входом, засыпав зал мелкими осколками.

Я читала, что в битвах случаются такие неуловимые мгновения, которые решают исход боя. Надо только уметь их почувствовать и принять верное решение. Свое удачное мгновение мы упустили.

Черный ход ведущий через помещения возле кухонь и выходящий на задворки дома, был рядом – рукой подать. Обежать парадную лестницу, открыть спрятанную под ней низкую дверь, проскочить маленький коридорчик и попадешь, куда стремился. Мы замешкались и опоздали.

Те двое, что напали на нас, скорее всего, представляли собой выпущенных вперед разведчиков, коим надлежало разобраться в обстановке. Теперь прибыли основные силы. На мой перепуганный взгляд, в нижний зал ворвалось не меньше десятка человек. Они не тратили времени на оценку сил противника, а просто напали на нас, безошибочно опознав лучших бойцов – Кеарана и Дорнода.

– Бегите, – мать оказалась рядом со мной и Вестри. – Бегите. Здесь все кончено. Вестри, где отец? Он успел уйти?

– Нет, – Вестри не успел сообразить, что надо говорить, и бухнул правду.

– Нет, – спокойно и даже рассеянно повторила Ринга Эрде. – Значит, и мне незачем больше прятаться. Но вы – иное дело. Вам надо исчезнуть.

– Мы не... – начал Вестри. Мать с силой толкнула его кулаками в живот, заставив сделать шаг назад, и это спасло моему братцу жизнь – выпад длинного полуторного меча просвистел мимо. Ринга крутанулась на пятке и наотмашь полоснула нападавшего когтями по лицу. Показалось или нет, но, по-моему, он лишился глаза, ибо истошно завопил и беспорядочно заметался из стороны в сторону, натываясь на сражающихся.

– Бегом и быстро, – госпожа Эрде на миг привлекла нас к себе, и я увидела расширенные каре-золотистые глаза, в которых плавали обезумевшие черные точки зрачков. – Эта война не для вас. Вестри, береги сестру. Дана, помни о том, что я тебе говорила. Сияние и побережье. Вы – Эрде. Наша надежда. Бегите.

Она отвернулась от нас, позабыв о нашем существовании и навсегда вычеркнув из памяти двух своих отпрысков. Сжалась и прыгнула – так прыгают на добычу крупные хищные кошки. Визжа и шипя, повисла на спине у кого-то из врагов, пытаясь вцепиться ему клыками в шею.

– Не отставай, – Вестри коротко всхлипнул и бросился к дверям. Я побежала за ним, мимолетно отмечая и сохраняя в памяти увиденное. В углу полулежит съездившаяся Марьют, над ней на стене остался рваный кровавый след. Ибре зажали в угол трое, он отмахивается выломанной где-то массивной ножкой от табурета. Бриан с яростным утробным рычанием терзает упавшего человека. Клейн деловито молотит своего противника головой о перила лестницы, по желтовато-розовому мрамору веером разлетаются темные капли.

– Бриан! – крикнула я. Пес услышал, неохотно оторвался от своей жертвы и тяжеловесной трусцой последовал за мной, успев попутно тяпнуть замешкавшегося типа из числа врагов за ногу.

Как ни странно, мы благополучно добрались до укромной дверцы, и тут дом вздрогнул – от черепиц на крыше до самых глубоких подвалов. Раздался короткий скрипящий хруст, с которым массивный железный крюк вырвался из перекрытий. Люстра на миг зависла в воздухе, а потом обрушилась вниз, задев торчащими во все стороны медными ветвями кого-то из дерущихся и сбив того с ног. Уцелевшие свечи выпали из гнезд и раскатились по всему залу, подпалив висевший на дальней стене ковер и деревянные резные панели. Нарушая все законы, вверх по стенам потекли проворные огненные ручейки.

Вестри что-то неразборчиво выкрикнул и сильно пихнул меня в спину, так что я рыбкой нырнула в недра коридора, едва не споткнувшись о порог. Не знаю когда, но я все же успела бросить последний взгляд через плечо.

Нижний зал, где некогда прихорашивались и обменивались сплетнями приходившие на приемы к герцогу Эрде гости, теперь напоминал последний обороняющийся бастион штурмуемой крепости. Дверь сотрясалась под непрерывными ударами и, если засов еще держался, то петли медленно покидали отведенные им места. Сверху сыпался дождь из штукатурки, сломавшихся гипсовых украшений, древесных обломков, пепла и краски. В трещины на потолке просачивались любопытствующие пламенные языки. Среди круговерти этого хаоса и сражающихся фигур я неожиданно увидела мать – она, чуть пригнувшись и устрашающе приподняв разведенные в стороны руки, кружила возле отмахивавшегося коротким широким клинком человека.

Брат рывком ухватил меня за предплечье и поволок по коридору. Следом за нами выскочил еще кто-то. Я не разглядела, кто именно – враг или друг.

Мы бежали через пустующие кухни, когда позади долетел оглушительный треск и победный вой расчистившего себе дорогу огня. Перекрытия не выдержали. Все, кто оставался в нижней зале – мертвы.

* * *

Не помню, как мы одолели внутренний двор. Очнулась я уже в саду, когда в очередной раз угодила ногой в рытвину и шлепнулась во весь рост. Никто меня не поднял. С горем пополам я умудрилась сесть и попробовала осмотреться.

Дом превратился в огромный ступок пламени, дыма и вихрем улетающих к ночному небу искр. Эти же искры, ливнем сыпавшиеся из лишенных стекол оконных проемов второго этажа, подожгли ветви росших у самых стен деревьев. Мокрая древесина пусть нехотя, однако загорелась, и теперь сад освещался неровным коричнево-желтоватым светом, создававшим невероятные и мимолетные переплетения теней, света и мрака.

Черная, обугливающаяся коробка особняка. Прихотливо изогнутые скаты крыш, флюгера и надстройки – темные силуэты на алом е. Окна, из которых рвется пламя. Одинокая башенка, венчавшая полуночный флигель, вдруг качнулась вправо, начала съезжать вниз, плавать, как догорающая свеча, и с грохотом рухнула.

Моих родителей больше нет. Моего дома больше нет. Может, и меня тоже нет?

Рядом зашевелилось и надсадно запыхтело что-то живое. Бриан. Надо же, старый пес умудрился выскочить вслед за нами. А вот та постанывающая и подающая слабые признаки жизни темная чуча, надо полагать, мой драгоценный братец.

Я встала на четвереньки – ноги не держали. Поползла через ноздреватые, обрушивающиеся под моей тяжестью сугробы и отвратительно холодные лужицы по направлению к Вестри. Добралась, села рядом. Попыталась перевернуть брата на спину. Вестри зашелся в приступе долгого лающего кашля.

– Дай ему немного полежать, – медленно проговорили рядом. Я запоздало сообразила, что уцелели не только мы. Прислонившись к кривому стволу старой яблони, стоял еще один человек. Отсветы пожара ложились на его лицо. Дорнод. Значит, он и был тем, кто бежал следом за нами. Уже неплохо. Нас трое, и это дает шанс на успех.

Я хотела спросить, что с остальными, но вместо слов вырвалось сипение вперемешку с икотой. Воздуха не хватало, и я зачерпнула пригоршню колючего снега, с яростью растерев им лицо. Помогло. Второй снежок я сжевала, приказав себе забыть о грязи и толстой россыпи гари, засыпавшей сад.

– Только мы?.. – наконец проговорила я. Вестри откашлялся и сел, опираясь на трясущиеся руки.

– Похоже, – Авилек размеренно вытирал какой-то тряпкой лезвие своего меча, с такой силой проводя тканью по стали, что слышался тихий скрип. – Я видел, как уложили Майля и Ибре. Что с госпожой и Клейном – не знаю. Скорее всего, завалило падающими обломками. Надо убираться отсюда. Можете идти?

Мы с Вестри неуклюже поднялись, хватаясь друг за друга и шатаясь.

– Отец... – неуверенно начала я, ощущая, как в сердце мучительно проворачивается длинная, шипастая заноза. – Отец предупреждал, что, если стряется нечто подобное, нужно искать помощи на постоялом дворе «Путеводная звезда». Это в паре кварталов отсюда.

– Значит, идем туда, – Дорнод выбросил тряпку и рывком оттолкнулся от дерева. Сразу стало очевидно, что ему, в отличие от нас, здорово досталось – он почти не мог наступить на левую ногу, волоча ее за собой, как посторонний предмет. При попытке сделать следующий шаг он едва не упал. Мы с Вестри вовремя подхватили его с двух сторон.

Сад вокруг особняка всегда казался мне крохотным – не более двухсот шагов вдоль каждой из сторон. Но теперь мы брели через него, как заплутавшие в безбрежных туранских пустынях кочевники, следуя за машущим хвостом Бриана, целеустремленно семенившего к спрятавшейся в дальнем краю парка калитке. Голову даю на отсечение, пес отлично понимал, что от него требуется.

– Вон они! Удира-ают! Хватай их! Сюда!

Громкий и протяжный вопль, донесшийся откуда-то из темноты, прозвучал так неожиданно, что я сбилась с шага и остановилась. Дорнод зло толкнул меня в бок, прошипев:

– К выходу! Шевелись!

– Но ты не можешь бежать... – растерянно пробормотала я.

– Забудь обо мне! Вестри, уведи ее! – Авилек отпихнул меня в сторону. Я продолжала стоять, как вкопанная. – Да сматывайтесь же!

И мы побежали. Побежали, прежде чем я успела что-либо сообразить. Побежали через трещавшие и цеплявшиеся за одежду кусты, по хлопающим лужам и хрустящему гравию дорожек. Краем уха я различила короткий, отчаянный вскрик – похоже, судьба оказалась жестока к Дорноду Авилеку, поманив призрачной надеждой на спасение и тут же отняв ее.

Мое сердце судорожно колотилось где-то в горле, когда впереди появились неясные очертания высокой каменной стены, означавшей границу наших владений. Сад наполнился переключкой разъяренных голосов, но мы пока оставались незамеченными.

– Где калитка? – задыхаясь, спросила я.

– Не помню. Лезь! – Вестри подставил мне сложенные руки. Я дважды сорвалась, прежде чем вцепилась в каменный выступ, затащила себя на широкий гребень стены и уселась там. Голова кружилась, очень хотелось лечь и заснуть. – Теперь ты!

Бриан протестующе заскулил, когда его обхватили поперек туловища и подбросили наверх. Я поймала пса за ошейник и лохматый загривок, он отчаянно заскреб лапами по камням и все-таки очутился рядом со мной. Вестри подпрыгнул, схватившись за край стены и начал подтягиваться. Наклонившись, я ухватила за его куртку и изо всех оставшихся сил потянула наверх.

Мы почти успели – Вестри оставалось только втянуть болтавшиеся ноги. Я услышала отрывистый сухой щелчок и короткий свист, а в следующий миг брат странно дернулся, обмяк и начал сползать обратно в сад.

– Вестри! – я мертвой хваткой впилась в выскользывающую материю темно-зеленой суконной куртки брата. Странно, как запоминаются незначачие мелочи. Точно знаю, что куртка темно-зеленая, с красной тесьмой по рукавам и вороту. – Вестри, держись! Не оставляй меня!

Пламя, сжиравшее наш дом, вспыхнуло ярче. Должно быть, нашло новую добычу. По дорожке громко топотали сапоги – кто-то бежал к стене, сзывая сообщников. Я увидела запрокинутое, удивительно белое лицо Вестри, увидела, как один за другим разжимаются его пальцы, и поняла, что выбор невелик – дать ему упасть либо свалиться и погибнуть вместе с ним.

– Отпусти, – одними губами произнес брат. – Это конец.

– Вестри! – я рванула тяжелое тело, пытаясь затащить его на стену. – Вестри, пожалуйста! Вестри, ты не можешь бросить меня одну!

– Дана... – еле различимый шелест осенних листьев.

Мы приземлились по разные стороны ограды: Вестри – в саду, откатившись под ноги нашим преследователям, я и Бриан – на пустынной темной улице с редкими домами, жмущейся к стене вокруг нашего особняка. У меня хватило ума сообразить, что сейчас охотники за головами семейства Эрде перемахнут через каменную преграду и наткнутся на последнего уцелевшего.

На меня.

Надо бежать! Пусть подкашиваются ноги и рот заполнен противной горечью – бежать. Вниз по улице. Как можно скорее. Прочь от проезда Черного Леопарда и от дома.

– Эгей! – пронзительный, залихватский свист. Глуховатый удар – кто-то спрыгнул вниз со стены. – Лови маленькую ведьму! Вон она!

Пес остановился, затормозив всеми четырьмя лапами. Развернулся, нагнув голову и прижав уши. Густая светлая шерсть на его загривке встала дыбом, в груди зародился низкий, перекатывающийся рык, устрашающий, как грохот обрушивающегося невдалеке камнепада. Бриан медленно шел, почти скользил, навстречу противнику, и человек, только что азартно вопивший и размахивавший дубинкой, оторопело замолчал и попятился. Он ожидал столкнуться с насмерть перепуганной девчонкой, а отнюдь не с донельзя озлобленным волкодавом, рожденным в Темрийских горах и привыкшим защищать своих хозяев до последней капли крови.

Над стеной появился еще один силуэт. Остановился в нерешительности. Бриан оскалится, качнулся назад и длинным, размашистым прыжком бросился на врага. Сбил его на землю, и они покатались по мостовой – дергающаяся, рычащая и кричащая мешанина ног, рук и лап.

Если Бриану повезет, он меня догонит. Если не повезет – доброй ему охоты в заоблачных лесах. Видно, Долиане Эрде на роду написано терять всех, кто был ей дорог.

Человек на стене набрался храбрости или дождался своих дружков, примерился и сиганул вниз. Я заковыляла по скользким от талого снега булыжникам переулка, отчаянно высискивая какое-нибудь укрытие – переулок, щель, подвал, открытые ворота во двор...

– Куда же ты? – издевательский голос слышался почти за самым плечом. – Бросила любимого песика и удираешь? Да ты не спеши, все равно никуда не денешься. Знаешь, а твой бра-

тец подох. Да-да, мертвее мертвого. И папаша с мамашей тоже. Сама видишь – некуда тебе податься.

Внутри меня что-то жалобно пискнуло и оборвалось, канув в бездонный черный омут и не оставив даже кругов на неподвижной воде. А потом накатила прохладная темно-синяя океанская волна с шапкой белоснежной пены, и я обернулась, увидев преследователя – выше меня головы на три, способного без труда одной рукой сломать мой позвоночник, как хрупкую тростинку, вооруженного тесаком, каким у нас на кухне рубили мясо.

И я его не боялась. Я видела – не глазами, каким-то иным, только что прорезавшимся зрением – как трепещет на ветру спутанный пучок толстых и тонких ярко-красных нитей, дающих жизнь этому человеку.

Достаточно протянуть руку, в которой зажат кинжал с черной рукоятью и острейшим лезвием, и разрезать нити.

Так я и сделала.

Человек споткнулся, вытаращил на меня налившиеся кровью глаза, прохрипел что-то неразборчивое, и тяжело рухнул на мостовую. Когда он упал, у него из перекосившегося рта с хлоппаньем вылетел большой сгусток крови, частично забрызгавший мой сапог.

Возня под стеной затихла. Ни человек, ни пес не встали. Прощай, Бриан. Прощайте все.

Я зачем-то подняла голову и посмотрела на небо. Если бы я была собакой, как Бриан, я бы сейчас завывала – так, чтобы мой скорбный вой долетел до звезд...

В просвете между облаками вдруг мелькнул еле уловимый багровый отсвет – как будто по черно-сиреневому полю пробежала быстрая алая рябь. Или огромная птица стремительно взмахнула крылом.

«Ночь еще не закончилась, – напомнила я себе. – Ты не имеешь права позволить себя убить. Слишком многие умерли, чтобы ты выжила. Помни, ты – Эрде. Последняя из рода Эрде. Ты – мечь. Но, чтобы отомстить, сперва нужно уцелеть. Сохранить голову на плечах. Мои враги ответят за все. Я помню имена тех, кого у меня отняли. Каждое имя и каждое лицо».

Я твердила эти слова, как поминальную молитву, а подгибающиеся ноги несли меня по улице, за моей спиной горел дом семьи Эрде и в моей ладони была зажата шершавая рукоять кинжала-даги.

ЗАМЕТКИ МЕЖДУ СТРОК «Родственные узлы – I»

Аргос, побережье Хорота.
20 день Первой весенней луны
1294 года от основания Аквилонии.

Лигах в тридцати от устья Хорота, где великая река сливается с Закатным океаном и стоит широко раскинувшаяся на полуострове Мессантия Аргосская, поток совершает плавный изгиб, отмеченный на всех лоциях как «Пинната» или «Сосновый утес». Местечко примечательное: высокий, издалека заметный песчаный откос, на вершине которого в самом деле произрастает древняя, широко раскинувшая толстые ветви красная зингарийская сосна. Чуть пониже начинается россыпь желтовато-коричневых валунов, между которыми пробивается тоненький ручеек, огибающий песчаный склон и впадающий в реку. Кое-кто их жителей Мессантии полагает воду ручейка целебной или, во всяком случае, обладающей необычными свойствами, и иногда предпринимает вылазки к Пиннате. Трудность невелика – подняться на лодке вверх по течению, высадиться, набрать бурдюк родниковой воды и улизнуть. Прodelать это все нужно по возможности быстро, ибо Сосновый утес и бьющий на нем источник, хоть и расположены на землях Аргоса, фактически им не принадлежат. Не являются они и зингарскими владениями, ибо граница соседей и вечных соперников Аргоса проходит лигах в пятидесяти к закату, за холмами.

Здесь, возле Пиннаты, начинаются Рабирийские холмы – цепь невысоких, густо поросших лесами гор, тянущихся до широкого плеса, где смешиваются воды Хорота и Алиманы, отмечающей пределы Аквилонского королевства и входящего в его состав Пуантенского герцогства. Три с небольшим сотен лиг Рабиров – земля, не принадлежащая никому. Даже на чертежах, хранящихся в королевских библиотеках, они закрашены тревожным красным цветом, а сбоку имеется неременная пометка: «Сия область издавна считается непригодной для проживания людей». Рабирийский край – бельмо на глазу Аргоса, ибо раскинулся на всей, без того невеликой правобережной области его земель, и постоянная головная боль правителей Зингары, у которых он отнимает добрую десятую часть королевства. Нетронутые сосновые леса, дичь, шкуры, смола и древесина, табуны полудиких коней, возможные рудники по добыче золота и меди, гранитные и мраморные каменоломни – сокровища, доселе недоступные для людей.

В летописях красочно описываются попытки завоевания Рабиров, предпринятые Аргосом и Зингарой. Описания заканчиваются совершенно одинаково: *«Большая часть войск погибла, заманенная в хитроумные ловушки, оставшиеся же перебиты в стремительных ночных вылазках. Немногие уцелевшие повредились рассудком, сохранившие же здравость мысли не в силах поведать что-либо вразумительное о сражавшихся с ними. Пленных не взято ни единого».*

С зубовным скрежетом и сжимающей сердце яростью правители Полуденного Побережья были вынуждены отказаться от замыслов покорить Рабирийские холмы силой. Самое большее, чего достигли люди – основали полдюжину укреплений и защищаемых ими деревень в полуночной части гор, вдоль правого берега Алиманы, да выстроили несколько хуторов на берегу Хорота, поблизости от Мессантии.

Должно быть, жители Рабиров довольно потирали руки, поняв, что добились своего. Им требовалась полнейшая замкнутость – они ее получили. Надолго ли – время покажет, но пока торговцы и путешественники обходили мирные с виду леса стороной. Полсотни лет назад

аргоссы проложили единственную дорогу через холмы: она начиналась в городке Лерато у устья Алиманы, шла на полуденный закат и завершалась в крепости Ильян на зингарской стороне. Протяженность дороги составляла всего-навсего сорок лиг и пользовались ею с большой опаской. Неизвестно, как обитатели гор отнеслись к ведущему по их земле тракту, однако больших нападений с грабежами и убийствами еще не случилось. Так, отошел кто-то вечером от костерка – и поминай как звали. Должно быть, угодил на званый обед к жителям холмов, став там главным блюдом.

Мозолившие всем глаза Рабиры принадлежали гулям. Известно об этом народе немного, и сведения не располагают к тому, чтобы испытывать к этой малочисленной расе искреннюю приязнь. Гули, порождения тьмы и ночи, похищали неосторожных путников и жителей деревень, пили человеческую кровь, и вообще не производили впечатления добрых соседей. Кое-кто из правителей Мессантии в последнее время начал всерьез поговаривать о том, что лучшим средством избавления от ночной напасти являются меч и огонь. Демон с ними, с лесами – новые вырастим. Зато свои, людские, без всякой нечисти!

* * *

Старая сосна тягуче поскрипывала, когда пролетавший над долиной Хорота ветер раскачивал ее ветви. Этот же ветер раздувал парус тяжело груженной галеры, неспешно одолевавшей речной изгиб. С борта судно отчетливо видели темно-зеленую крону патриарха здешних лесов, но вряд ли могли различить троих созерцателей, безмятежно расположившихся между выступающих древесных корней и валунов. Троица с интересом смотрела вниз, на добротный выстроенный корабль, блестящую под солнцем воду и расстилавшиеся за рекой желтовато-зеленые просторы восходного Аргоса, неспешно обмениваясь замечаниями:

– Надо же, аквилонская...

– С тех пор, как подписали Морской Договор, на реке стало куда оживленней. Снуют, точно водомерки.

– Торговля – дело хлопотливое. Не успеешь вовремя, останешься без дохода.

– Может, и нам стоит присоединиться?

– Оснуем торговый дом «Пинната», – со смешком предложил один из собеседников, похлопав ладонью по шершавой сосновой коре. – Оптовые поставки древесины по низким расценкам. К концу года разбогатеет и переберемся в Мессантию. Я даже подходящее место знаю – на Парусной набережной. Меланталь, хочешь особняк с видом на Закатный океан и гавань Дожей?

– Почему бы и нет? – невозмутимо отозвалась молодая женщина, сидевшая на плоском, похожем на раскрытую ладонь валуне. – Мне нравится Мессантия. С времен, когда я бывала там в последний раз, город наверняка изменился к лучшему.

Она слегка наклонилась вперед, чтобы взглянуть, как галера минует обманчиво спокойное зеркало водоворота, прятавшегося почти на самой середине реки, и размашистым движением головы отбросила в сторону длинные иссиня-черные пряди, пронизанные серебряными нитями. Меланталь не то поседела раньше срока, не то уродилась такой. Ее облик не вызывал удивления у спутников, зато человек, случайно наткнувшийся на обосновавшуюся возле старой сосны троицу, наверняка бросился бы бежать, не разбирая дороги.

Впрочем, в этих местах не бывает людей. Меланталь с приятелями могли спокойно сидеть на берегу, наслаждаясь погожим весенним днем и следя за продвижением корабля под аквилонским флагом.

С первого взгляда трое друзей производили впечатление отправившихся на лесную прогулку и устроивших привал владельцев зажиточного хутора, а может, и обитателей какой-нибудь из порубежных крепостей. На земле лежали сложенные кучей кожаные дорожные сумки, между камней возвышался воткнутый стоймя длинный охотничий лук. Сторонний наблюдатель отметил бы несомненное внешнее сходство праздных зевак, предположив, что они либо состоят в родстве, либо происходят из одного народа. Все трое – невысокого роста, темноволосые, порывистые в движениях, с необычной для уроженцев Полуденных земель бледной кожей, обтягивающей лица с заостренными чертами, какие иногда встречаются у древних статуй, выкапываемых искателями сокровищ в брошенных городах Полуночи.

Догадка полностью соответствовала истине, причем вдвойне: две мужчин доводились друг другу сводными братьями, а Меланталь, их дальняя родственница, была подругой младшего. При том они без особого душевного трепета звали себя «Порожденными Ночью», то есть являлись теми, кого люди Аргоса и Зингары именовали гулями. Эта земля принадлежала им, и они безбоязненно разливали по ней – днем, ночью и когда угодно.

– За последние сто лет Мессантия ничуть не изменилась, – ядовито заметил спутник Меланталь, перебираясь на облюбованный ею камень. – Шумная, вонючая, до отказа переполненная людьми...

– И прекрасно подходящая для того, чтобы затеряться, – невозмутимо откликнулся третий собеседник, устроившийся на изогнутом сосновом корне и выглядевший чуть постарше. – Иногда это бывает немаловажно.

Йестиг, как звали приятеля Меланталь, презрительно фыркнул. Он никогда не скрывал пренебрежительного отношения к человеческой расе, стараясь без необходимости не покидать Рабиры и не одобряя привычки сородича подолгу пропадать где-то в городах, собирая на свою голову разнообразные приключения.

Торговая галера благополучно одолела трудный участок реки и скрылась за поворотом. На смену ей из низовьев Хорота явился округлый, пузатый неф, горделиво несший на мачте стяг с золотой башней – гость из Зингары.

– Рейе, – женщина повернулась, чтобы взглянуть на того, кто сидел у подножия сосны – худощавого, стройного мужчину лет тридцати, оценивавшего мир чуть насмешливым взглядом глубоко посаженных бархатно-черных глаз, – мы пришли сюда, потому что ты заявил, будто принял решение. Какое?

– Я уезжаю, – Рейе, чье полное имя было Рейенир, лениво наподдал носком сапога подвернувшийся камешек. Тот нехотя прокатился вниз по песчаному склону и застрял. – Сегодня, ближе к вечеру. Доберусь до Лерато, там попытаюсь сесть на корабль, идущий вверх по Хороту и Тайбору. В Шамаре куплю лошадей и поеду себе на полночь. Оттуда рукой подать до границы с Немедией и до Бельверуса. Легкое приятное путешествие без особых хлопот.

– Зачем оно тебе понадобилось? – Йестиг тоже оглянулся, откровенно возмущенный намерениями Рейе. Сводные братья, хотя и были друзьями, редко сходились во мнениях. – Ради чего? Она ушла от нас, ушла из холмов, не давала о себе знать почти сотню лет! А теперь присылает тебе две строки, полные недомолвок, и ты готов бежать на другой край земли!

– Она моя сестра, – спокойно, как говорят о само собой разумеющемся, ответил Рейе. – Она всегда сама выбирала свою дорогу. Ей лучше с людьми, чем с нами? Досадно, однако таково ее право и ее решение. Я не собираюсь спорить. Но теперь она в беде, и я должен хотя бы попытаться помочь ей.

– Письмо долго добиралось до нас, почти три луны, – напомнила Меланталь. – Многое могло измениться.

– Тем лучше. Значит, просто съезжу в Бельверус и гляну на моих племянников. Любопытно, какое потомство вырастила моя взбалмошная сестрица?

– Она справится без тебя, – настаивал на своем Йестиг. – У нее есть законный муж, полно друзей и покровителей. Что бы там не случилось, твое вмешательство ничего не изменит. Ее письмо – лишь повод, чтобы опять рискнуть жизнью! Когда-нибудь удача тебе изменит, и что тогда?

– Надо полагать, я попаду за решетку или умру, – Рейе беспечно ухмыльнулся, забавляясь горячности собеседника. – Если хочешь, можем спросить, чем закончится мое путешествие. Меланталь, не подскажешь?

Черноволосая женщина из рода гулей только скорбно вздохнула. Она обладала даром видеть будущее, и порой друзья злоупотребляли ее талантом, уговаривая заглянуть на несколько шагов вперед и узнать, что выйдет из ее замыслов. Впрочем, нынешний случай заслуживал того, чтобы попытаться провидеть его.

Йестиг, не дожидаясь просьбы, спрыгнул вниз и отошел в сторону, встав за правым плечом подруги. Рейенир покинул облюбованный сосновый корень, заняв место слева и со сдержанным интересом следя за действиями предсказательницы.

Из болтавшей на поясе сумки Меланталь вытащила кожаный мешочек, из мешочка – горсть невзрачных с виду камешков, размашистым жестом раскидав их по поверхности валуна. На каждом отшлифованном временем обломке гранита когда-то вырезали знак-символ, могущий обозначать букву, слово или понятие. Чем-то гадательные камешки Меланталь напоминали нордхеймские руны, только их насчитывалось поменьше, около десятка. Женщина провела над ними узкой ладонью, ее лицо стало отрешенно-сосредоточенным.

Серо-желтый цвет камней начал меняться. Йестиг невольно прикусил язык – он видел это маленькое чудо уже сотни раз, и все равно не мог уловить того мига, когда внутри одного из галечных осколков вспыхнула крохотная розовая искра. Меланталь отложила засветившийся камешек в сторону. К нему вскоре присоединились два его собрата, тоже начавшие испускать бледный розоватый свет. Женщина подождала, не засветятся ли и прочие, но те оставались темными.

– Киор, Ниан, Арэт, – перечислила Меланталь символы, выбитые на камнях, и растолковала: – Странствие по дорогам памяти к обретению искомого.

– Теперь точно придется ехать, – с преувеличенным сожалением заметил Рейе. – Не оставлять же дорогу сестрицу на произвол судьбы? Родная кровь, как-никак.

Меланталь и Йестиг переглянулись, мысленно признавшись, что до сих пор не научились точно определять, когда Рейенир шутит, а когда говорит серьезно. Меланталь подозревала, что Рейе никогда не бывает серьезен настолько, чтобы по-настоящему поверить в грозящую опасность или опасаться за свою жизнь. Его младшая сестра, Рингилиан, была точно такой же, и, наверное, именно поэтому предпочла оставить Рабиры, затерявшись среди людей.

Но настал день, когда Рингилиан потребовалась помощь, и Рейе, как всегда иронически посмеиваясь, собрался ей на выручку.

* * *

Спустя два дня в крепость Лерато явился некий путешественник, благополучно одолевший опасный лесной тракт, соединяющий Аргос и Зингару. Сей путник предъявил стражникам у городских ворот подорожную, выписанную на имя Рейенирса Морадо да Кадена, благородного гранда из Кордавы, едущего по собственным надобностям в Шамар Аквилонский. На бумаге имелись все необходимые подписи и печати, оттого не возникло никаких препятствий к тому, чтобы позволить зингарцу въехать в город.

В маленькой гавани Рейенирс прогулялся вдоль причалов, небрежно окликая людей на судах, и вскоре нашел искомое – корабль, идущий в Аквилонию. Уплатив запрошенную мзду в двадцать золотых кесариев, благородный дон заполучил место на «Резвой лани», следующим же утром поднявшей паруса и отправившейся в дальнюю дорогу.

Путешествие по великой реке доставило Рейе большое удовольствие. Особенно ему полюбилась традиция пассажиров собираться по вечерам на верхней палубе, рассаживаясь среди бочек и штабелей плотно набитых мешков, и рассказывать долгие истории, посвященные жутковатым обитателям Рабирийских холмов. Рейенир никогда не пропускал этих вечерних посиделок, частенько выступая в роли повествователя, и сошел на берег Аквилонии в отличном настроении.

В Шамаре его поджидали неприятные новости. Немедию сотрясали последствия недавнего государственного переворота. Посещение Бельверуса теперь представляло изрядную трудность, ибо новый правитель страны, Тараск Эльсдорф, распорядился выставить на границах страны усиленные кордоны для поимки беглых заговорщиков и убийц семьи короля Нимеда Первого. Ограничили и въезд иноземных путников в столицу, а каждого новоприбывшего, по слухам, подвергали тщательной проверке.

Рейе Морадо да Кадена философски пожал плечами, после чего отправился приобретать коней и закупаться провизией для дальнейшего путешествия.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Из воспоминаний графа Монброна – I

«На пепелище»

Бельверус, Немедия.
17 день Первой Весенней луны.

Всегда полагал себя человеком спокойным, даже флегматичным. Да и любые предания нашей семьи недвусмысленно подтверждали: чтобы по-настоящему вывести из себя представителя рода Монбронов и ввергнуть его в священную ярость, требуется, самое меньшее, приземлившийся во дворе фамильного замка огнедышащий дракон. До этой ночи у меня никогда прежде руки не дрожали – ни во времена веселых пиратских приключений на Полуденном Побережье, ни в Кофе или Туране, когда за мной ретиво охотились тайные службы этих государств, ни после случайной стычки с громадным лесным мантикором, решившим пообедать моей лошадью и закусить хозяином... Всякие переделки бывали, во многих приключениях пришлось поучаствовать, на кораблях тонул и горел, на суше полтора десятка раз едва не лишился головы вследствие опасного рода занятий, а уж какие сюрпризы может преподнести одинокому путнику дальняя дорога, полагаю, объяснять не нужно.

А вот сейчас руки у меня дрожат. Может, позвать месьора Венса и продиктовать ему письмо, дабы не оскорблять пергамент невообразимыми каракулями и кляксами? Нет-нет, я обязан составить эту депешу самостоятельно, без чужой помощи. Как говаривал барон Гленнор, мой обожаемый начальник? Верно: «Пиши коротко, излагай четко, ухватывай суть, не трать зря чернил». Любое донесение должно быть написано максимально удобочитаемо для адресата, которому неинтересны твои лирические переживания и который жаждет лишь достоверных сведений, дабы на их основе сделать надлежащие выводы.

Таким образом, я создал самый короткий в своей жизни отчет. Взял новый чистый листок и старательно вывел на нем большими прописными буквами: *«Все пропало. Немедия для нас потеряна. Маэль»*.

Пускай думают, что сие значит. В конце концов, официальную депешу в Тарантию отправит аквилонский посол, его светлость граф Клай. Если говорить совсем откровенно, Немедия и без моего скромного участия находится под любящими взглядами нашей драгоценной Латераны, сиречь тайной службы королевства Аквилония – в Бельверусе предостаточно соглядатаев Трона Льва вкупе с нашими дворянами-путешественниками, полагающими своим долгом отправлять на родину скромные донесения о состоянии дел у дорогих соседей, несомненно, являющихся душевными друзьями Аквилонской монархии. Так что и Конан, и барон Гленнор вскоре получат целый мешок почты с подробнейшим описанием события, которое уже окрестили в народе «Ночью Бешеного Огня». Боюсь, указанная ночь войдет во все летописи и останется в истории именно под этим названием. Которое, сами понимаете, не несет в себе положительного смысла.

В дверную щель просунулась унылая физиономия моего домохозяина, досточтимого Реймена Венса, гильдейского менялы и попутно – аквилонского конфидента с многолетним опытом тайных игр. Впрочем, слово «конфидент» применительно к Реймену звучит более насмешкой, чем отражает истинное положение. Вертрауэн и Королевский Кабинет отлично знают, что Реймен Венс на самом деле никакой не меняла и занимается своим презренным ремеслом лишь для отвода глаз. Впрочем, Реймена никто не трогает. Неписанные правила вежливости и обхождения между тайными службами ясно гласят, что столь уважаемые шпионы задержанию и допросу не подлежат. Достаточно приглядывать за ними вполглаза и не более.

– Граф? – промямлил Венс. – Новые донесения из города...

– Какие? – простонал я, чувствуя, что запас плохих новостей доселе не исчерпан, и такие будут поступать в течение всего дня, пока власти (боги лучезарные, *какие* еще власти?) не наведут в городе порядок.

– Стало точно известно, что наследник трона Нимед и второй сын бывшего короля, принц Зинген, мертвы. Вместе с семьями. Местонахождение принцев Халлена и Ольтена не установлено, однако дом Халлена сгорел полностью и разгрести завалы пока не представляется возможным из-за жара и углей.

– Дальше? – уныло спросил я.

– В столице введено осадное положение, протектором Бельверуса назначен принц Тараск...

– Еще что-нибудь? – новости, прямо скажем, захватывающие, не будь они такими грустными.

– Начали разбирать пепелище в усадьбе герцогов Эрде. Поедешь?

– Поеду, – вздохнул я, поднялся, набросил плащ с гербами Монбронов и львами Аквилонии (пусть все видят, что я подданный другого государства и нахожусь под защитой Трона Льва!), подтянул ремешки перевязи, проверил, насколько легко меч выходит из ножен и взглянул на Реймена.

– Вот что, месьор Венс, – сказал я, – боюсь, сегодня нам придется весьма усердно потрудиться. Используй все свои связи, но разыщи полдесятка людей, верных Аквилонии, а самое главное – сообразительных. Кроме того, мне необходимо встретиться с человеком, возглавляющим нашу тайную службу в Бельверусе. Понимаешь? Я хочу увидеть самого главного. Личного конфиденанта барона Гленнора, который занимается делами Латераны в немедийской столице.

– Встречу я постараюсь устроить, – кивнул Венс. – Наверняка ближе к вечеру. И, разумеется, не здесь. Но посуди сам: в столице происходит незнамо что. Таких невероятных событий история стран заката пока не знала, если не считать переворота в Офире во времена короля Рагрисса. Слишком уж непохоже случившееся на обычный бунт черни... Чересчур непохоже.

Реймен грустно пожал плечами, развернулся и ушел. Я покинул дом через боковую лестницу, взял за узду оседланную лошадь – Бебита, моя зингарская кобыла, глянула на хозяина с недоумением. Куда, мол, собрался в такую рань? Едва рассвело, а он уже отправляется по делам!

Прав был Реймен, утверждая, что события минувшей ночи мало напоминают банальное восстание недовольных властью горожан. Когда происходит мятеж черни, правители обычно дают толпе некоторое время для буйства, выпускают пар народного гнева, а затем быстро и жестко наводят порядок. Сейчас было по другому. Мгновенная вспышка ярости жителей Бельверуса утасла с первыми лучами утреннего солнца. Город мгновенно наводнила армия – гвардейские кавалерийские отряды взяли под охрану все важнейшие государственные здания, конные разъезды числом до пяти всадников патрулировали улицы, городская стража, усиленная пешими щитниками из числа «Орлиного легиона», заняла перекрестки, перегородила главные улицы рогатками и пропускала лишь жителей близлежащих домов или людей, спешащих по особой надобности – водовозов, золотарей, торговцев хлебом... Меня спасали от строгих вояк аквилонские гербы и надменная, заранее заготовленная фраза:

– По надобности посольства Трона Льва и короля Конана Канах!

Ничего удивительного. Я предусмотрительно вытребовал у графа Клая охранную грамоту, дававшую мне право посольской неприкосновенности. В данной ситуации этот пышный пергамент, изукрашенный печатями, эмблемами и громкими подписями, помог несказанно. Гвардейцы хмурились, но беспрепятственно пропускали меня по городу – этикет обязывает.

Я нарочно избрал длинный обходной маршрут. Хотел самолично убедиться, что дела в действительности обстоят на редкость плохо.

Убедился.

Вот здесь, на улице Серебряного Венца, стоял дом принца Зингена. Я видел этот особняк раньше – очень милое трехэтажное строение в офирском стиле с ажурными башенками, небольшим садом и прилегающими конюшнями. Ныне улица оцеплена тройным рядом королевской стражи, не пропускают никого (гвардейцев не впечатлил даже мой грозный документ), но я успел рассмотреть, что здание выгорело полностью. Остался лишь закопченный каменный фасад. Внутренние перекрытия, балки, стропила – все рухнуло. Над огромной грудой угля поднимается черный дымок. Неподалеку стоит закрытая повозка с гербами Дознавательной управы. Ясно, господа дознаватели примчались расследовать причины пожара... Много же они нараследуют! И ведь наверняка отыщутся виновные, коих торжественно казнят на площади у Башни Висельников под восторженные народные клики. Покатятся головы убийц, покусившихся на священные персоны королевской семьи, которую тот же самый народ совсем недавно так искренне ненавидел.

Строго охраняется и огромный дом темного кирпича на улице Алебарды. Вот она, мрачная резиденция Вертрауэна, знаменитого Пятого департамента личной Его величества канцелярии! Вокруг подозрительно тихо. Редкие прохожие, как мне показалось, боятся даже покоситься в сторону оплота немедийских тайн и закулисных интриг. Резиденция уцелела – двери не выломаны, окна не побиты. Присматривают за Вертрауэном полсотни пеших стражников в черных плащах «Легиона Пантеры» и десяток офицеров дворцовой гвардии в высоких чинах. Здесь же, у входа, высятся два фургона, какие-то непримечательные личности торопливо грузят в повозки пергаментные кипы, выносимые из здания, дело происходит в абсолютной тишине и под пристальным взглядом чиновника из ведомства канцлера. Любопытно...

Между прочим, я не отмечаю присутствия знакомых персон из зловещего Королевского Кабинета. Если подходить к происходящему логически, то Хостин Клеос со своими цепными псами прямо-таки обязаны суетиться в первых рядах. Как же так, их главнейшие конкуренты растоптаны и раздавлены, в Вертрауэне можно поживиться огромным количеством преинтереснейших документов, касающихся любых сфер в политической жизни Немедии и близлежащих стран, а месьор Хостин бездействует? Или действует негласно, не подавая виду? Бывший булочник слишком умен и слишком хитер, об этом в один голос твердили все мои немедийские знакомые. Потом разберемся!

Я заставил лошадь свернуть в переулок, миновал сеть узеньких старинных улочек и выехал к аристократическому кварталу столицы. Новая интересность: здесь попадаете куда больше стражи и военных, хотя, на мой взгляд, наличие дополнительной охраны вполне оправдано, особенно если учитывать безумные ночные погромы. Кто знает, вдруг пресловутый народный гнев перекинется на богатые дворянские особняки и выльется в непринужденный грабеж?

А-а, понятно, отчего здесь собралось столько вооруженных людей. Явилось высокое начальство, если, конечно, это слово подходит к его светлости, новоназначенному протектору Бельверуса и принцу короны Тараску Эльсдорфу. Свита небольшая, всего-то два телохранителя в кофийских одеяниях, и неременная Дженна-Зенобия, не отстававшая от господина ни на шаг. Сегодня девица пренебрегла всеми правилами приличия и соизволила облачиться в темно-синюю форму коронной гвардии, разве что без знаков различия. Интересно, что они здесь делают? Решили самолично убедиться в смерти герцога Мораддина и его семейства?

– Куда? – рывкнул на меня один из вояк, едва я попытался проехать ближе к дому. – Не видишь, ихняя светлость прибыли!

– По надобностям посольства Аквилонии и короля Конана Канах! – прогремел я в ответ, и для пущей убедительности непринужденно соврал: – Мне нужно передать принцу Тараску важное известие.

На меня взглянули с недоумением, однако пропустили. Кто их знает, этих благородных? Вдруг действительно нечто важное?

* * *

Зрелище, ничего не сказать, было жутковатое. Если раньше дом герцога Мораддина представлял из себя аккуратный двухэтажный особняк, стоящий в глубине яблоневого сада с беседками и фонтанами, то теперь небольшая усадьба, расположенная в конце проезда Черного Леопарда, превратилась в настоящее поле битвы. Ворота снесены, по тающему весеннему снегу разбросан мусор, ветерок носит обгорелые папирусные и пергаментные листы, кое-где под покрывалами из мешковины лежат трупы... От строения почти ничего не осталось, только закопченные развалины цокольного этажа, флигеля полностью уничтожены огнем, торчит черный скелет оранжереи. Почему-то огонь пощадил одну из боковых пристроек – из разбитого окна парусом выбивается золотистая штора.

Заметно, что прибывшие на место погрома власти приняли самые серьезные меры для разбора завалов и отыскания погибших. На развалинах, щедро залитых водой из близлежащего пруда, суетилось не менее тридцати человек, растаскивавших потрескавшийся камень и обгорелое дерево. Разумеется, к саду и дому не могла проскользнуть даже мышь, если бы не предъявила соответствующего документа.

Сейчас, когда груда обломков была почти что разобрана, на площадку для фехтования, расположенную справа от ворот усадьбы, складывали обнаруженные тела. Я поморщился – странно видеть черные обгорелые головешки, являвшиеся когда-то людьми. Форма тел сохранилась, но сами трупы обезображены до полной неузнаваемости – от жара руки и ноги согнуты, сгоревшая кожа на голове обнажает черепа, скалящиеся черными зубами, запах несносен...

Привязав лошадь к ограде и сопровождаемый слегка недоуменными взглядами охраны (что здесь делает подданный короны Аквилонии?), я пошел вслед за Тараском и его присными, направившимися к фехтовальной площадке.

– Сударь, – дорогу мне заступил гвардеец в чине капитана, – сюда нельзя. Расследование проводит Дознавательная управа и Королевский Кабинет.

Ага, значит, наш знаменитый Кабинет все-таки проявил себя!

– Если месьюр Хостин Клеос здесь, передайте ему – прибыл граф Монброн из Аквилонии, – небрежно бросил я офицеру, на что тот лишь склонил голову в притворном удивлении и отчеканил:

– Господин граф, хочу вас уведомить: сегодняшним утром Хостин Клеос отстранен от руководства Королевским Кабинетом приказом протектора столицы. Его здесь нет и быть не может.

– А где он? – глупо спросил я.

– Это касается только протектора и самого Королевского Кабинета, – бесстрастно ответил гвардеец. – Я бы просил тебя удалиться.

– Постойте-ка, – я обернулся на голос. Оказывается, наш разговор слушали. Принц Тараск остановился неподалеку и теперь мерил меня оценивающим взглядом. – Капитан, пропустите этого месьюра. А вы, сударь, подойдите.

Я и подошел. Тараск скользнул взглядом по моему плащу и гербовому колету, оценил древний символ Монбронов – крылатый меч на алом геральдическом щите, каковой поддер-

живают дракон и единорог – остановился на графской короне, украшавшей намет, и запросто спросил:

– Чем обязан, граф? Не ждал, что столь печальное событие заинтересует аквилонского дворянина. Или просто решили посмотреть на пожар? Вот уж действительно, подобное зрелище никогда не приедается.

Это был первый раз в моей жизни, когда я видел принца Тараска настолько близко, буквально на расстоянии вытянутой руки. Молва не лгала: молод, высок, красив, взгляд умный и чуточку хитрый, почти как у Конана. И в глазах Тараска есть нечто такое, что заставляет быть осторожным – взгляд кобры тоже безопасен, но вот сама кобра... Одним словом, он сразу показался мне весьма интересным человеком, а вовсе не бездельным повесой, каким обычно казался высшему свету Немедии.

За спиной его светлости немедля возникла высокая, поджарая девица. Гладкие черные волосы, ровная челка, из-под нее смотрят настороженные серые глаза. С мужской точки зрения я оценил бы ее такими словами: диковатая привлекательность. Не знаю, как сказать лучше. Именно такие решительные дамы обычно ходят в охране купеческих караванов или верховодят в разбойных шайках на полуночи Немедии и Бритунии – красивые, уверенные в своей силе и почти недоступные. Зена, Дженна, Зенобия. Телохранительница и фаворитка господина протектора. Но, как утверждают, отнюдь не любовница, а просто подруга. Добавим к облику торчащую из-за левого плеча рукоять добротного клинка (судя по навершию – нордхеймского, предназначенного лишь для рубящих ударов) и тем завершим картину.

– Приветствую вашу светлость, – я поклонился, как того требуют правила куртуазии. – Позволю себе представиться. Маэль, сорок второй граф Монброн Танасульский.

– Весьма рад, – сухо бросил Тараск. – Может быть, соизволишь объяснить причины своего появления здесь?

Врать не хотелось. Так или иначе, лож раскроют, если Тараск мною заинтересуется. Как учил хитромудрый барон Гленнор? Правильно: правда – сильнейшее оружие. Но полуправда еще сильнее.

А ну, рискнем прибегнуть к поддержке громких имен. Может, получится ввести Тараска в смущение?

– Прошу взглянуть, – я вытащил из складок колета посольскую бумагу. – Я представляю в Бельверусе Его величество Конана Аквилонского.

– И что? – вздернул бровь Тараск.

– Его светлость герцог Мораддин много лет являлся личным другом моего короля, – тяжелый взгляд принца явно заставлял меня отвести глаза в сторону, но я придал себе наиболее независимый вид, стараясь не ступешаться. Кто такой, в конце концов, этот Тараск? Военный управитель города, не больше! Да, безусловно, он принц, но следует вспомнить, что в Монбронах тоже течет королевская кровь, а наша династия постарше семьи Эльсдорфов лет эдак на двести! – Я приехал в Бельверус с личным посланием от короля к месьюру Мораддину. И я уверен, что Конан Канах, наш государь, будет обеспокоен произошедшим. Надеюсь, вашей светлости известно, каковы последствия... э-э... *беспокойства* нашего короля.

– Да уж наслышаны, – странно, но Зенобия заговорила без разрешения. Голос у нее оказался мелодичный и низкий, слова она произносила чуть нараспев, с легким акцентом. Такое впечатление, что дочь презренного торговца из захолустного Пограничья чувствовала себя на равных с принцем короны и иностранным графом. – Насколько знаю, последний раз беспокойство Конана Канах обернулось для короля Страбонуса Кофийского потерей венца и головы.

Кофийские телохранители Тараска изобразили на лицах каменное выражение, сам Тараск скривился, а Зенобия послала ему ядовитенькую ухмылку. Чувство юмора у девочки прямо-таки варварское. Мне подумалось, что она слишком много себе позволяет, хотя Тараск пытается не замечать вольностей своей волчицы.

Принц пожевал губами, вежливо улыбнулся и широким жестом пригласил меня следовать за собой, сказав:

– Что ж, если угодно взглянуть на плачевные последствия мятежа – прошу. Зрелище, скажу откровенно, препротивнейшее.

Да, здесь Тараск прав непогрешимо.

Семь жутко обгоревших трупов. Еще два мертвеца, которых огонь не задел – у обоих множество ран от холодного оружия. Тело большой серой собаки, зачем-то уложенное рядом с людьми – я узнал принадлежавшего герцогу Мораддину горского волкодава. Кажется, его звали Бриан?

Один из гвардейцев подбежал к Тараску, поприветствовал по-немедийски (сжатая в кулак правая ладонь брошена к сердцу) и отрапортовал:

– Ваша светлость, нашелся свидетель! Домоправительница герцога Эрде по имени Хейд, дочь Ланы. Привести?

– Да, – коротко ответил принц. – Она наверняка способна опознать своих хозяев.

Я сомневался, что можно узнать хоть одно пострадавшее от огня тело, однако...

В Латеране новых конфиденентов всегда учили прежде всего *смотреть* на свидетеля – именно смотреть, не слушать. Подмечать малейшие изменения в его интонациях, выражении лица, жестах. В соответствии с требованиями ремесла я пристально уставился на мельком виденную несколько дней назад пожилую толстуху, приведенную гвардейцами. Не сказать, что Хейд сотрясается от горя – конечно, она печальна, но держится отлично. Видать, герцог замечательно вымуштровал свою прислугу.

– Госпожа, – Тараск тихо обратился к домоправительнице, чье платье не носило даже малейших следов огня. Видимо, успела выскочить из дома раньше, чем обрушился второй этаж. – Я, как протектор столицы, занимающийся расследованием случившегося здесь поджога и нападения на усадьбу герцога Мораддина, прошу осмотреть эти мертвые тела и ответить, есть ли среди них люди, тебе известные.

Дородная Хейд первым делом взглянула на два необожженных трупа и, как мне показалось, вздрогнула.

– Это – Вестри, сын его светлости, – обронила домоправительница, указывая на молодого человека, убитого несколькими ударами в грудь и шею.

– Подтверждаю, – кивнул один из гвардейских стражей. – Вестри Эрде служил во дворце, только не в моем платунге, а в Четвертом.

– Запишите, – бросил Тараск через плечо секретарю в коричневой мантии. – Одно тело опознано. Можешь продолжать, почтенная Хейд.

– Узнаю господина Дорнода, – Хейд справилась с чувствами и кивнула на второй труп. – Помощник хозяина. С остальными будет посложнее, слишком уж трачены огнем.

В течение ближайшего времени госпожа домоправительница старательно нагибалась над почерневшими мертвецами, качала головой, цокала языком, бормотала что-то под нос и шепотом сквернословила. Наконец, она распрямилась, взглянула на Тараска без всякого страха (и, как мне почудилось, безо всякого сожаления во взгляде), убежденно заявив:

– Женщина – герцогиня Эрде. Она небольшого роста и худощавая. Вдобавок перстень на пальце – оплавленный, конечно, но... Этот перстень герцогиня никогда не снимала.

Мы, прижав к носам надушенные платочки, присели возле трупа. Точно, на среднем пальце левой руки заметна почерневшая от огня оплывшая металлическая печатка. Восстановить ее прежнюю форму невозможно, но, если домоправительница уверена...

– Кеаран, граф Майль, – бесстрастно продолжала Хейд. – Золотой браслет, два кольца с камешками на правой руке... У Кеарана не было двух зубов слева – выбили давным-давно. Череп обгорел, поэтому заметно. Вот этот здоровенный – телохранитель госпожи герцогини,

Клейн. Тупой ублюдок, не сумел вытащить хозяйку! Впрочем, он всегда был недалек умом... Бывший каторжник, что с него взять!

– А это чьи кости? – напряженно спросил Тараск, указывая на самый обезображенный остов. – Герцог был невысок ростом, по размеру вроде бы подходит...

– Он самый, хозяин, – не меня выражения лица, ответила Хейд. У меня вызвало тревогу ее безразличие. Странно, вроде бы эта женщина прожила в доме Эрде долгие годы, стала настоящим членом семьи... И ни одной слезинки. Только на Вестри она посмотрела с непонятной помесью разочарования и страдания. – Очень похож. Остальных не знаю. Наверное, разбойники, напавшие на дом.

– Ты уверена, что перед нами именно герцог Мораддин? – продолжал наседать Тараск. – Как ты его отличила?

– Сами видите, ваша светлость, роста короткого, да вон еще медальон на груди – там он портрет супруги носил... Да уверена, вот и все! Я ж герцога двадцать лет знаю!

Хейд наконец-то залилась слезами, а я спросил вслух сам у себя:

– Простите, но где молодая хозяйка?

– Верно, где она? – поддержал меня Тараск. – Госпожа Долиана погибла или успела убежать из дома?

Хейд, по-бабьи завывая, выкрикнула что-то неразборчивое, из чего я сообразил, что домоправительнице ничего не известно о судьбе юной баронессы. Толстуху увели.

– Значит, погибли все, – медленно сказал Тараск. – И кому-то придется очень дорого расплачиваться. Граф, ты увидел все, что хотел увидеть?

– Д-да, – заикнулся я, с легким ужасом косясь на мертвецов. Боги, ведь всего два дня назад они были живыми людьми, с которыми я разговаривал, пил вино, строил планы на будущее, наконец!

– Надеюсь, ты упомянешь в письме королю Конану, что власти Немедии принимают все меры к разысканию и строжайшему наказанию преступников. И еще одно. Месьор граф, столица находится на осадном положении. Никто не вправе покинуть Бельверус без моего приказа. Разумеется, если ты намерен уехать, я дам разрешение, ибо мы не можем задерживать людей с документами посланников, но... Я просил бы тебя задержаться. Может быть, ты окажешь Трону Дракона... скажем так, определенную помощь. Дженна, проводи господина Монбронна!

Я на мягких, будто ватных ногах, отправился к воротам в сопровождении наряженной в гвардейскую синюю форму девицы. Зенобия по-кошачьи ступала позади, сразу за правым плечом, подержала мне стремя, пока я забирался в седло, но вдруг перехватила поводья Бебиты, зыркнула на меня холодными серыми глазами и тихо сказала:

– Вот что, аквилонец... Мой тебе совет: оставайся в городе. Быстро разыщи маленькую герцогиню...

– Как? – изумился я. – Как я найду госпожу Дану?

– Придумай! – отрезала Дженна. – У тебя своя голова на плечах, не дитя неразумное. Найди и спрячь понадежнее. Лучше всего – увези из города. Завтра с утра, коли сможешь, загляни-ка во дворец. Зайдешь с Полуденного входа, покажешь караульным эту штучку, – Зенобия перебрала мне простенький деревянный амулет на шнурке в виде нордейхмской руны «Райда». – Поговорим.

– Ну... Хорошо, я попытаюсь... А в чем дело?

– Поезжай! – Зенобия отвернулась и сказала, будто в никуда: – Не нравится мне все это... Очень не нравится. Езжай, граф. Здесь тебе делать нечего. Без тебя разберутся.

18 день Первой весенней луны.

Подведем неутешительные итоги. За минувшие сутки во втором по значению и первом по огромности территорий (Немедия с учетом протекторатов Коринфии и Заморы несколько больше Аквилонии) королевстве Заката произошли столь поразительные и невероятные изменения, что я до сих пор не могу осмыслить их значения и возможных последствий для всей Хаборийской цивилизации.

Во-первых, от власти отстранен правящий дом Эльсдорфов Немедийских, причем отстранен насильно. Во-вторых, наследников трона в самом прямом смысле данных слов не осталось в живых – новым канцлером Эрдриком и протектором столицы Тараском объявлено, что «в результате вспыхнувшего мятежа и измены некоторых государственных чиновников, а также волнений в городе все четыре сына почившего короля Нимеда погибли. Бушующей толпой также умерщвлены благородные супруги Их высочеств, наследники и люди из числа слуг». В-третьих, введенное в Бельверусе осадное положение препятствует созыву высокого дворянского собрания, каковое должно избрать нового короля, в результате чего Немедией сейчас правит странный триумвират, составленный из господина канцлера, одновременно являющегося правящим регентом, принца Тараска, который вдобавок в должности протектора взял на себя командование многочисленными гвардейскими тысячами, и королевского казначея Сагаро, ныне отвечающего за всю торговлю и снабжение крупнейших городов, а также войска продовольствием.

Как долго продлится столь неопределенное положение, никому не известно, однако старинные уложения государственного права недвусмысленно гласят: скончавшийся монарх должен быть погребен спустя десять дней, считая от дня кончины, и за это время необходимо называть имя преемника. Если этого не происходит, королем становится ближайший родственник короля по мужской линии, а если таковой отсутствует, то по женской.

Против закона не пойдешь – вышеописанная традиция насчитывает многие столетия, освящена митрианским культом и, если Тараск сотоварищи пренебрегут древним уложением, страна окажется на грани междоусобной войны: восстанут дворяне, от власти отвратятся жрецы, да и простой народ начнет роптать. И в то же время триумвират пока не предпринимает никаких действий для созыва благородного собрания и выборов короля. Странно. На что они надеются?

Поразмыслив, я пришел к выводу, что Тараск отнюдь не глуп и не зря тянет время. Если в течение десяти дней короля так и не выберут, то у кофийского принца есть все шансы заполучить корону. Он родной племянник Нимеда, в народе популярен (правда, популярность эта несколько дутая...) и, если подходить реалистически, Тараск на сегодняшний день единственный отпрыск династии, сосредоточивший в руках реальную власть. Безусловно, у Нимеда-старшего остались дяди, да и других племянников предостаточно, но их либо нет в столице, либо они не ощущают за собой силы, способной привести к трону.

Меня не покидало ощущение неправильности происходящего. Вроде бы смена власти происходит законным путем, а гибель королевской семьи очень просто объясняется так называемым «мятежом». Только мятеж этот, как бы выразиться получше... Случился очень кстати и был исключительно узконаправленным. Я был свидетелем волнений в Тарантии, происшедших в последний год царствования Нумедидеса, и знаю, что может натворить вышедшая из подчинения толпа. Поджоги, грабежи, бесчинства на улицах и стычки с пытающимися навести порядок военными – пьяные плебеи забрасывают гвардию камнями, первейшим объектом разграбления становятся винные погреба, а когда военные начинают применять оружие, все постепенно затихает. Обычный бунт длится, самое большее, седмицу-полторы.

В Бельверусе все происходило по-другому. За одну ночь «мятежа» (так утверждает нынешняя власть) бунтовщики, почему-то пренебрегая богатыми запасами виноделен, аккуратно вырезали семейство короля, сожгли дома принцев, а Нимеда-наследника с супругой и детьми убили не где-нибудь, а прямоком в отлично охраняемом замке короны. Как они туда

ворвались – до сих пор остается загадкой, которую никто не желает объяснять. Заметим, что у принцев была неплохая личная охрана, их оберегали гвардейцы и телохранители... Какой вывод? Верно! В городе под прикрытием мятежа действовали отлично вооруженные и обученные отряды убийц или наемников, которым кто-то поручил низвергнуть правящую династию. И не надо мне рассказывать сказки, что орда обезумевших от ярости горожан могла противостоять гвардии и свитским дворянам принцев. Такого просто не бывает!

Все эти соображения я изложил на рассвете восемнадцатого дня Первой весенней луны в одной из гостевых комнат неприметного постоянного двора с непритязательным наименованием «Петух и котел». Меня внимательно слушали шестеро людей весьма разного облика и занятий – лучшие аквилонские конфиденты, работающие в Бельверусе под началом месьора барона Амори из дома Данвиллов Коринфских. Сам барон, крупный пронзительно-черноволодый мужчина средних лет, присутствовал здесь же.

– ...Это все, о чем я хотел вам рассказать, – я закончил с изложением своих мыслей. – И намереваюсь попросить у вас помощи.

Месьор Амори отнюдь не производил впечатления личного представителя барона Гленнора. Он показался мне чересчур угрюмым, чересчур хмурым и чересчур нелюдимым – эдакий туповатый вояка, разбирающийся досконально лишь в оружии, лошадях, искусстве мечного боя и охоте. Однако еще один неписанный закон сыска гласит: «Внешность обманчива». Реймен Венс отрекомендовал Амори как самого благоразумного и осторожного конфидента, трудящегося ныне на поприще душевного согласия в нашей маленькой компании служителей Латераны. Отчего вдруг коринфский барон превратился в верную ищейку, принадлежащую Аквилонскому королевству, я не знал да и не стремился узнать. У каждого есть свои причины.

– Помощь? – пробасил барон Амори Данвил. – Отчего ж не помочь хорошему человеку? Гленнор сообщал о тебе. Предупреждал, что рано или поздно ты объявишься. А когда объявишься, велел передать вот это.

Мне сунули в руки медный тубус для хранения свитков, я извлек на свет пергаментный лист, пробежался глазами по строчкам и отвесил челюсть. Ничего себе! Вот так подарочек от барона Гленнора! Ну, спасибо, ваша милость! Только этого мне не хватало при всех имеющихся заботах!

Слабым жестом я протянул рескрипт Амори, тот прочитал и усмехнулся углом рта. Более никаких эмоций на его лице не отразилось.

– Значит, барон Гленнор наделяет тебя чрезвычайными полномочиями и передает в твое распоряжение всех конфидентов Латераны, – протянул коринфский дворянин. – Нам остается лишь подчиниться. Теперь ты имеешь право приказывать, а не просить.

Сейчас я точно не помню, в каких именно формулах Гленнор поставил меня главой Немедийского отделения Латераны, но в депеше действительно говорилось, что Маэль, граф Монброн, действует от имени и именем короля, все его приказы следует считать приказом короля, а любые распоряжения исполнять незамедлительно и в точности. Такая бумага дает реальную власть, правда, в ограниченных пределах...

Пятеро помощников барона Амори посмотрели на меня с любопытством. Сам коринфиец представил их не по именам, а по прозвищам, но, если смотреть на одежду, то становился ясен род занятий наших сподвижников. Один похож на владельца процветающей лавки, двое смахивают на ремесленников, четвертый является очень живописным гильдейским нищим (о, это немедийская страсть к порядку! Даже попрошайки организовали в Бельверусе собственную гильдию!) – кошмарные вшивые лохмотья, шерстяной колпак, прикрывающий спутанные грязные волосы, шрамы на физиономии и большая язва на щеке. В качестве дополнения к костюму нищий водил с собой омерзительную облысевшую обезьяну с красным задом и желтыми сточенными клыками. Последний из гостей носил темно-красную форму с потемневшим

серебряным шитьем – городская стража, Управа Дознания. Полезный человек, надо полагать. Амори заявил, что лучших конфиденентов свет доселе не видывал.

– Итак, – я, заложив руки за спину, прошелся по комнате, – мы только что обсудили сведения общеизвестные. Кто-нибудь может добавить нечто новое? Собственные наблюдения, слухи, кажущиеся достоверными?

– Можно мне? – пропищал нищоброд. Кажется, у него еще и кличка смешная – Тролле-нок. Лысая макака, заслышав голос хозяина, разинула пасть и заверещала. – Наверное, месьору графу будет интересен такой слушок... В Гильдии поговаривают, будто кое-кто из семейства короля уцелел. Никто точно не знает, но якобы Рихтер Вонючка, который побирается на улице Лилии, вроде бы узрел призрака. Якобы живой покойник, какой-то из сыновей Нимеда, в сопровождении некоей девицы прошел мимо него и даже швырнул медную монетку. Может, и врет наш Вонючка, себе цену набивая. Что, потрясти благородного месьора Рихтера на предмет истинности сией сказочки?

– Потряси, – ответил за меня барон Данвил. – Может, и вытрясешь хоть одну жемчужину из мешка с навозом. Еще что-нибудь, господа?

Никаких особых откровений не последовало. Я еще раз убедился, что подозрения об орудовавших в городе вооруженных шайках, изображавших «бунтовщиков», подтверждаются. Никакие «мятежные горожане», способные лишь швыряться булыжниками в окна богатых домов, не станут носить под одеждой оружие, а уж тем более – умело пускать его в ход во время штурма здания. Значит, и на самом деле таинственные отряды убийц существовали и их бойцы лишь прикидывались добропорядочными обывателями. До времени. Об этом в один голос твердили все пятеро конфиденентов барона Амори, большинство из которых самолично наблюдало за волнениями в Бельверусе позапрошлой ночью.

– Хорошо, – кивнул я. – Приму к сведению. Исходя из всего сказанного... Могу лишь добавить вам еще одно задание.

– Ты и о первом-то не упоминал пока, – напомнил нищий с обезьяной. Вся компания воззрилась на меня, ожидая.

– Первое: приложите все силы, поднимите всех своих осведомителей, пустите по следу всех собак, но отыщите для меня одного исчезнувшего человека, – провозгласил я. – Это женщина, точнее, девушка. Выглядит лет на шестнадцать, волосы темные, глаза светло-карие, сложения худощавого. Ее имя – Долиана, баронесса Эрде, дочь покойного герцога Мораддина. Об этом пока не сообщалось, но я знаю точно – в ночь мятежа госпожа баронесса весьма таинственным образом исчезла из поместья герцогов Эрде. Более никто ее не видел. Она требуется мне немедленно. Будьте осторожны, возможно, за баронессой охотятся и другие... люди. Второе. Разнюхайте, откуда могли появиться таинственные личности, штурмовавшие дома принцев. Кто они, кому служат... Ясно?

– Отнюдь не ясно, – покачал головой барон Амори. – Почтенный граф, давайте-ка начнем с начала. Перво-наперво вы расскажете мне и моим друзьям все подробности об исчезновении баронессы Эрде.

* * *

Из постоянного двора «Петух и котел» я отправился к другому двору, если, конечно, можно теперь поименовать «двором» резиденцию военного правительства Немедии, в обычную время именуемую замком короны.

Какие мысли у вас вызывают слова «королевский двор»? Благородные господа и не менее благородные дамы-фрейлины, гвардия в блистающих доспехах, деловитая суета при-

слуги, истошные вопли церемониймейстера «Ужин его королевского величества! Салфетка его королевского величества!», а для того, чтобы взять соусницу, нужно седлать коня, ибо торжественный стол приравняется длиной к главной улице столицы.

Теперь все не так. Если уж в Бельверусе осадное положение, а стража, сбиваясь с ног, «разыскивает» злодеев-бунтовщиков, то дворец являет собой настоящую крепость. На площади башен замка короны взгромоздили катапульты и баллисты, проезды загорожены острейшими деревянными рогатками, наконечники которых окованы железом, внутрь пропускаются лишь те, у кого наличествуют разрешения, подписанные одним из триумвиров – Тараском, Эрдриком или Сагаро – а любые подозрительные личности заворачиваются обратно.

Специально ради визита к фаворитке принца Тараска я оделся особенно. Никакого бархата, никакой парчи, никаких лишних перстней или браслетов, одежда скромна до полной невозможности – черная туника, поверх одевается кожаный нагрудник-панцирь с тиснением в виде фамильного герба, круглая черная шапка с черным же шарфом, перевязь меча самая простая, из тех, что носят наемники. Посмотревшись утром в серебряное зеркало, я решил, что в таком наряде смахиваю на преуспевающего гробовщика во дворянстве и спросил сам себя, по кому же ношу траур.

Ответ не замедлил последовать – траур надет по почившим в бозе благополучию и стабильности стран Заката. Случавшаяся в Немедии заваруха наверняка вызовет лавину...

Может быть, конечно, я паникую, но паника имеет основание. Смена династии влечет за собой не только перестановки в высочайших сферах управления государством, но и нарушение торговых, военных и прочих союзов. У нового правителя всегда новые интересы. Я не знаю, кто будет данным правителем, однако осмеливаюсь предполагать. Если Тараск добьется трона, за сим наверняка последует резкое усиление Кофа, страны, всегда относившейся к Аквилонии со сдержанной недоброжелательностью.

Не будем загадывать, как обернется дело. Глядишь, обойдется. Пошумят, покричат, а когда пыль уляжется, снова продолжится привычная жизнь...

Оказавшись возле Полуденных ворот дворца, я из гордыни не спешил перед вылетевшим, будто на пожар, командиром караула – таковой не оказал должного почтения. Мне довольно невежливо посоветовали отправляться своей дорогой на все восемь сторон света – надлежащего пропуска во дворец у меня не оказалось.

Не оказалось? Как бы не так!

С самым надменным видом я снял с шеи деревянную руну «Райда», предъявил ее охране, после чего отношение к визитеру разительно изменилось. Бебиту немедленно взяли под узду, сдержанно залезбили и даже выделили проводника. Прочим караулам, расставленным буквально на каждом углу коридоров замка, было достаточно показать вырезанный из темной древесины амулет. Я мгновенно становился «своим». Неужели безродная девка из Пограничья забрала себе столь высокую власть?

– Сюда, – кивнул проводник, указывая на тяжелую дубовую дверь, ведущую в комнаты. – Если ты друг госпожи Зенобии, она тебя примет.

– А если не друг? – фыркнул я. – Тогда что?

– Тогда вылетишь отсюда через окно, – с чарующей непринужденностью сообщил гвардеец, отсалютовал брошенным к груди кулаком и отправился восвояси.

Памятуя о традициях варваров, с которыми я достаточно успел ознакомиться за время дружбы с Конаном, я открыл дверь без стука.

Ничего не скажу, здесь очень мило. До сих пор не могу понять, отчего самых утонченных дворян (к каковым, впрочем, я себя не отношу) всегда очаровывала дикарская простота. Очень большая комната, почти зала. Громадный камин, в котором пылают сосновые полешки. Широкая низкая постель – на ней можно разместить не меньше десятка гвардейцев и еще место останется. Лавки вдоль стен, никаких кресел или табуретов. Здоровенный грубоватый

стол. Единственной приметой цивилизации являлся выстилавший пол иранистанский ковер с ворсом, достигавшим щиколотки.

Именно на этом темно-красном ковре рядом с очагом возлежала госпожа Зенобия. Самое потрясающее было в том, что полуночная дикарка (на сей раз наряженная в простенькое синее платье с вышивкой в народном стиле) весьма старательно штудировала большую книгу в темно-коричневом с золотом переплете.

– Сочинение Тот-Амона, сына Мин-Кау из Птейона, – даже не повернувшись в мою сторону, проговорила Зенобия, постучав пальцами по страницам фолианта. – Граф, ты случайно не знаешь, что такое «нумерология»? Никак не могу понять толком!

– Э-э... Нумерология – это наука о магических и пророческих свойствах чисел, – ошеломленно сказал я. Ничего себе! Оказывается Дженна интересуется трактатами небезызвестного стигийца, прославленного не только в качестве первейшего колдуна Черного Круга, но и составителя весьма привлекательных рукописных трудов по истории и магии. Мало того, Дженна умеет читать! Хотя не стоит удивляться: она все-таки дочь купца, а образование в семействах торговцев ставится на второе место после врожденной деловой хватки. Без знания надлежащих наук ты никогда не обойдешь соперников и не заработаешь свое золото! – Однако если ты хочешь узнать побольше о нумерологии, стоило бы почитать не сочинения Тот-Амона, а книги кхитайских мудрецов, наиболее искушенных в тайнах чисел. Возьми хотя бы Ди Жэнь-Цзе из Пайкина...

– Благодарю за совет, – Зенобия быстро захлопнула книгу, встала с ковра, подошла ко мне и совершенно не девичьим жестом подала руку для пожатия. – Присаживайся, Маэль. Вина? Аргосского, коринфского, пуантенского?

– Мне больше нравится «Лоза Либнума», – поддел я Дженну, упомянув самое дорогое и редкое на Закате вино со знаменитых Либнумских холмов Шема. Даже во дворце Конана, беззаветно приверженного лучшим образцам винодельческого искусства Полуденного Побережья, «Лоза Либнума» полагалась неслыханно щедрым угощением и нектаром, достойным богов.

– Возьми на столе, – Дженна непринужденно кивнула в сторону огромного четвероногого сооружения из сосновых досок. Я подошел, обнаружил на столешнице кувшин с печатью в виде шестилучевой звезды, в центре которой находился силуэт верблюда, и понял, что колкость не удалась. Зато можно на славу угоститься.

– Здесь можно говорить свободно, – как бы невзначай сообщила Дженна. – Никто не подслушает. Во-первых, на страже стоят мои люди... Точнее, нелюди. Во-вторых, это самое удаленное крыло дворца. Я всегда любила независимость.

– Нелюди? – я плеснул вина в серебряный кубок и продегустировал. Ничего не скажешь, подлинный «Либнум»! С ума сойти! Быть фавориткой принца Тараска не так уж плохо... – Эта такая особая шутка обитателей Пограничья, которую аквилонцы не понимают?

– Еще как понимают, – отмахнулась Зенобия. – Между прочим, Конан Канах, твой король – большой приятель нашего короля. Эрхарда Оборотня. Понятно?

– А ты сама не оборотень? – поинтересовался я, наблюдая, как Зенобия наливает в свой кубок какую-то жуткую настойку. Судя по запаху, ежевичную.

– Не повезло, – совершенно серьезно ответила госпожа фаворитка. – Я, к сожалению, самый настоящий доподлинный человек. Ладно, оставим споры о преимуществах двух противоположных рас. Надеюсь, ты сообразил, что я позвала тебя не случайно?

– Конечно, сообразил. И что?

– А вот что, – Зенобия указала мне на длинную лавку, застеленную медвежьей шкурой. – Насколько мне известно, тебя прислал в Бельверус король Аквилонии? Да? И пожалуйста, не делай такие невинные глаза! Я, как ты мог заметить, отнюдь не круглая дура. Кроме того,

детство и юность я провела в Пограничье и отлично знаю, в каких отношениях находились Конан и герцог Мораддин.

– Не понимаю, как можно увязать вместе твою молодость, короля Аквилонии и покойного герцога, – брякнул я. – При чем здесь Пограничье?

– Человеческие судьбы, долгие тонкие нити, свитые Норнами, переплетаются очень причудливо, – с задумчивым видом изрекла Зенобия и села рядом со мной. – В моей полуночной стране слова «богатый купец» почти равнозначны слову «герцог». Ты слышал о моем отце? Он ведает торговой управой Пограничья, близок к королю Эрхарду и наслышан о некоторых странностях прошлого аквилонского государя. Я же внимала рассказам отца со всем тщанием... Я знаю, что Конан и глава Вертрауэна познакомились давным-давно, лет двадцать назад или даже больше того. И, конечно же, такой человек, как Конан, не мог оставить в беде старинного друга.

– Какие же из всего этого выводы? – поинтересовался я.

– Никаких, – Зенобия развела руками. – Здесь настолько тесно сплелись высокая политика, в которой я ничего не понимаю, чьи-то интриги и колдовство, что распутать этот клубок не сумел даже хитроумный Мораддин. За что и поплатился жизнью.

– Колдовство? – ахнул я. – Какое колдовство?

– Обычное. Разве ты никогда не сталкивался с магией?

– А ты, видимо, сталкивалась настолько часто, что хорошо разбираешься в волшебном искусстве?

– Да не сказала бы... Мои телохранители-оборотни заставили меня насторожиться. Племя Карающей Длани чувствует магию гораздо острее людей. Так вот, парни утверждают, что в Бельверусе появилось нечто... нечто чужое. И это чужое – действует.

– И в чем это выражается? – спросил я. – Каково действие?

– Отец приставил ко мне четверых охранников, – глядя на огонь камина, сказала Зенобия. – Трое оборотней, один человек. Тарк, дальний родственник Эрхарда, уехал еще зимой. Обратил в Пограничье. Отговорился тем, что в Немедии ему плохо. Хотя за последние четыре года я не слышала от него никаких жалоб. Остальные начали болеть, примерно с начала зимы. Чем дальше, тем хуже. А позапрошлой ночью умер Гупта – мой самый верный страж. Я достаточно хорошо знакома с Племенем Карающей Длани – оборотни гораздо крепче людей. Так просто они не умирают. В Бельверусе, как мне кажется, на них начала действовать та самая чужая магия, появившаяся в городе, едва выпал снег... И я сама начинаю бояться.

– Мне, конечно, интересно слушать рассказ о твоих страхах, – довольно жестко заметил я, – но почему бы не перейти к делу? Что ты хочешь мне сказать? И почему? Почему не пожаловаться принцу Тараску или канцлеру? При чем здесь дворянин из Аквилонии, пусть он даже и является доверенным лицом короля?

– Вот ты, значит, как... – сощурила глаза Дженна. – На все эти вопросы я не отвечаю. Отчасти потому, что не хочу, отчасти потому, что не могу. А Тараск... Молодой принц рвется к власти. Он привел в город много верных людей и я почти уверена, что гибель семьи старого Нимеда – на его совести. Мне на это плевать, Немедия для меня чужая страна. Однако я не могу спокойно наблюдать, как в политику вмешивается чуждая людям сила, равно опасная и для того, кто ее использует, и для его противников.

– Я подозревал, что за недавним фальшивым мятежом стоит Тараск, – Зенобия, собственно говоря, ничего нового не поведала. И в то же время я в очередной раз слышу о некоем чужеродном колдовстве. Райан предупреждал, теперь Зенобия туда же... И дочь герцога Мораддина упоминала о некоем «красном сиянии». – Скажи, в свите Тараска есть маг?

– Аж целых двое, – мигом ответила Дженна. – Ораст и еще один... Этого второго я вижу очень редко. Станный человек. Кажется, Тараск познакомился с ним в Кофе.

– Имя знаешь?

– В этом-то вся и загвоздка! Имя необычное. Не стигийское, не кофское и не немедийское. Его зовут или называют Ксальтоуном. Точно такое же имя я встретила вот в той книге, – Дженна указала рукой на валяющийся том сочинений Тот-Амона. – Ксальтоун – кхарийское слово. Перевести его очень трудно – оно означает одновременно и человека, который постоянно возвращается, и нечто, существующее вечно, но где-то на самом рубеже миров Зримого и Незримого, и течение времени, а если уж быть совсем точной, то это понятие вышло из употребления еще полторы тысячи лет назад, когда рухнула Кхарийская империя. Мне кажется, что «Ксальтоун» – это не столько имя, сколько название какого-то ремесла. Человек может быть скорняком, наемником, лекарем. А может быть ксальтоуном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.